



СМЕНА

11

1951

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



МАРИЯ КАДАНЦЕВА

ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА ДЕТСКОГО ДОМА

Когда Маша вошла в классную комнату, все двадцать девочек в аккуратных коричневых платьях, чёрных передниках и гладко выжужженных белых воротничках встали, как по команде.

— Подготовьте книги и тетради, — ровным голосом произнесла она. Как всегда, её лицо было строго и спокойное, движения уверенны и скупы. Только лёгкий, едва уловимый румянец выступил на щеках, но этого никто не заметил.

Ведь сегодня она, молодая воспитательница детского дома имени академика Комарова, вела открытое занятие по приготовлению домашних заданий. Кроме учениц четвертого класса, здесь были ещё бывшие учителя и воспитатели, у которых ещё не так давно училась она сама. По-отечески одобрявшие смотрел изпод очков Н. Ф. Шкаринов, директор детского дома; улыбаясь, кивала головой заведующая учебной частью Т. Я. Степанова.

В первую очередь выполнялись письменные работы. По русскому языку надо было просклонять несколько прилагательных. В классе воцарилась тишина, закрипели перья. Маша молча ходила между рядами, заглядывая в тетрадь то одной, то другой ученицы. С нежностью старшей сестры смотрела она на русые, чёрные, белокурые головки...

Такой же, даже ещё меньшей, пришла она десять лет назад в это огромное здание на Большой Пироговской. Как и другие дети, отцы которых ушли на фронт в дни Великой Отечественной войны, Маша не сразу привыкла к новой обстановке. Она с благодарностью вспоминает свою воспитательницу Серафиму Александровну Богословскую, содую женщину, всегда энергичную и ласковую. Именно благодаря ей Маша скоро почувствовала себя здесь, как в родном доме.

Маша очень часто писала отцу, почти каждый день, а когда узнала, что его часть находится под Москвой, она всё же повидала отца. Это была их последняя встреча. Хорошо, что она его помнит, а вот эти девочки совсем не знают своих родителей.

Может быть, оттого она с такой любовью встречала малышей, прибывавших в дни войны. Наверно, поэтому так заботливо ухаживала за ними и помогала воспитателям, а позже, когда закончила семилетку и перед нею встал вопрос, куда идти, она без колебания выбрала этот путь — путь педагога и воспитателя. Её намерения одобрил и Николай Фёдорович Шкариков. «Ты такая спокойная, уравновешенная, рассудительная. Тебе только и быть учителем», — сказал он.

После окончания педагогического училища имени Ушинского, обогащённая знаниями, она снова вернулась в детский дом. Можно было преподавать в школе — это легче, меньше обязанностей, больше свободного времени. Но разве могла она оставить этот дом, который стал для неё

родным? Разве могла она расстаться со своими девочками? Маша вспоминает, как с лестницы кубарем скатилась Танечка Козлова и, обрадовавшись, захлопав в ладоши: «Мария Ивановна, вы будете теперь у нас, в нашей группе? Вот хорошо!»

...Маша посмотрела на часы: пора устроить перерыв!

На следующем занятии Маша спрашивала девочек. Они по очереди, без толкотни и суеты, подходили к ней, показывали свои работы. Потом она вызвала Зою Карасёву и попросила её рассказать об образовании Советского Союза.

Открытое занятие прошло отлично. Когда весёлой гурьбой девочки выбежали в коридор, Машу тепло поздравляли с успехом. Да, она становится настоящей воспитательницей. В свободное от занятий время Маша организует увлекательные детские игры, посещение театров, просмотр новых кинофильмов. Мальчики любят играть в шахматы и шашки, девочки вышивают, многие занимаются спортом. Маша знает, что увлечётся сбором гербария, а кто любит рисовать картины для выставок и альбомов.

Растут дети, а вместе с ними растут и обогащаются жизненным опытом комсомолка Мария Каданцева. Она хочет, чтобы дети любили и уважали её так же, как Серафиму Александровну, а для этого нужно не только любить детей, но и знать много, очень много. Осенью она звонко начнёт учиться в Государственном педагогическом институте имени Ленина.

Г. ВЛАДИМИРОВА

«...Нигде нет такой заботы о ребёнке, о его воспитании и развитии, как у нас, в Советском Союзе».
И. Сталин

Фото Г. Борисова



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июнь. № 11, 1951 год.

Год
издания
28-й

ДРУГ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

К 5-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ М. И. КАЛИНИНА

Имя Михаила Ивановича Калинина наш народ произносит всегда с особенной теплотой. Его любили советские люди, как большого и задушевного друга.

Волею судьбы, красивую жизнь прожил Михаил Иванович. Верный соратник Ленина и Сталина, он стоял у колыбели революции. Он «делал» революцию и стал одним из выдающихся её вождей. На его долю выпало большое счастье видеть торжество того дела, которому он посвятил всю свою жизнь, которому отдал всю кровь своего благородного сердца, казало за казней.

Биографы Калинина порой задумывались: в чём секрет несмертельного здоровья оптимизма Михаила Ивановича? Ведь, казалось бы, сложная жизнь тверского крестьянина, затем питецкого рабочего, жизнь подпольщика-революционера, связанная с тюрьмами и скитаниями, должна была как-то оставить свой след. А секрет этот прост. М. И. Калинин не считал свой жизненный путь тяжёлым. Он не терпел, когда кто-нибудь так говорил. «...Не нравится это мне, но советски скажу, — отвечал он: — Если человек усвоил коммунистическое мировоззрение, то оно наполняет его жизнь таким богатым содержанием, что эта жизнь не кажется тяжёлой, а кажется богатой и, главное, — сам чувствуешь, что она бесконечно хороша даже в самые трудные моменты»¹.

М. И. Калинин как-то высказал глубокую, очень интересную мысль о нашей партии, как о школе организаторов. Он говорил, что старый строй, по существу, почти не выдвигал организаторов. Единственная партия, имевшая организаторов, — это коммунистическая партия. Никому не известный коммунист, брошенный в глухой угол нашей необъятной страны, становился организатором власти на местах, великодушное работало, укрепляла диктатуру пролетариата. «Почему?» — спрашивала М. И. Калинин. И тут же отвечал: «Потому, что партия в нём выковала навыки к организации, к дисциплине, научила быть во главе масс, учить её, одновременно учась у неё»².

Сам Михаил Иванович Калинин — прекрасный образец такого талантливого организатора, вытесненного партий, выдвинутого по предложению В. И. Ленина на высший пост руководителя верховного органа Советского государства и проработавшего на этом посту беспрерывно и самоотверженно двадцать семь лет.

Михаил Иванович Калинин — заботливый и чуткий друг советской молодёжи. Его мысль о воспитании молодёжи, его практические советы комсомолу, его понимание природы молодёжного характера — большая наша ценность. За советом к Калинин приходились обращаться советские юноши и девушки и всегда находили в его трудах ответы на самые волнующие вопросы комсомольской работы, жизни и быта молодёжи.

С большой и благородной любовью относился М. И. Калинин к комсомолу. Неоднократно он выступал на комсомольских собраниях и съездах, с учащимися Трудовых резервов, с девушками, только что демобилизовавшимися из армии и т. п. Вот он выступает на собрании актива днепротетровского комсомола, на собрании комсомольского актива города Куйбышев, перед секретарями сельских комсомольских организаций Московской области: вот он пишет статью «Славный путь комсомола», вот он решил написать предисловие к книге «Комсомол в боях за Родину»... Его выступления о молодёжи и для молодёжи составляли целые тома.

Михаил Иванович вообще не любил выступать на многолюдных собраниях. Он предпочитал беседу с небольшой аудиторией. Однако на съезды комсомола он приходил охотно и здесь выступал как организатор задушевной беседы. Одну из таких бесед с трибуны VII съезда ВЛКСМ М. И. Калинин начал так:

«Вы замечаете, что комсомолу и ЦК партии и наша советская власть уделяют больше внимания, чем любому из других съездов. Почему же это? Какова причина заставляла и меня сегодня, несмотря на огромное нежелание идти вообще на собрание, прийти?.. Какова причина? Разумеется, главная причина — это то, что в лице комсомола у нас растёт главное богатство нашей страны. В лице комсомола мы будем иметь те отряды, которые потом будут замещать ряды старых борцов за социализм. Комсомол — это передовой отряд пролетарской и крестьянской молодёжи, это её санки».

Именно эта беззаветная преданность комсомолу делу коммунизма, партии Ленина — Сталина вызвала у М. И. Калинина такое тёплое отношение к комсомольцам и комсомолам.

«Для внедрения идей коммунизма требуется страсть», — говорил Калинин. Он не признавал ораторов, которые, выступая перед аудиторией, сами не волнуются. Таким не поверит! Самому же Михаилу Ивановичу всегда глубоко верилось, ибо каждое его слово выражало страсть пламенного большевика.

Перечитайте, например, предисловие Калинина к сборнику, рассказывающему о Шуре Чекалове, Лизе Чайкиной, Зое Космодемьянской и других молодых героев. С каким воодушевлением оно написано! Воодушевление автора не может не передаваться читателю. Вы почувствуете, что в чертах героев рассказов сборника М. И. Калинин видит черты нового, советского человека и зовет читателя увидеть, как богат наш комсомол людьми, ставшими счастьем советского народа, идеалами нашей партии previous всего.

М. И. Калинин видел силу комсомола в руководстве партии. Он не устал повторять это неоднократно. «...Перед каждым комсомольцем... — писал он, — стоит задача быть верным бойцом за партию, глубоко, по существу выполнять её директивы и указания»³.

«Одной из решающих причин высокого патриотизма нашей молодёжи и её беспримерного героизма, — пишет в другом месте Калинин, — является неразрывная связь комсомола с коммунистической партией. Партия вдохновляет комсомол на подвиги во имя общего дела»⁴.

А сколько проникновенных слов сказано Михаилом Ивановичем о южде нашей партии И. В. Сталине! Не было ни одного выступления Калинина перед комсомольцами, в котором Михаил Иванович не воспитывал бы у молодёжи любовь и беззаветную преданность партии и её вождям.

В чём видел М. И. Калинин главную задачу воспитания молодёжи? «Воспитать идеи коммунизма», — так формулировала он свою мысль. И пояснил: «это значит воспитать молодёжь так, чтобы она со всем юношеским пылом полюбила Советскую страну, полюбила её не только сознанием, но и всеми пятью чувствами человека»⁵.

Михаил Иванович часто обращал внимание комсомола на те или иные недостатки его работы в области воспитания. Он указывал, например, в дни празднования 10-летия ВЛКСМ, что комсомол мало поработал над тем, чтобы развить у молодёжи чувство уважения к физическому труду, как к одному из важнейших устоев пролетарской морали. Он неоднократно подчёркивал, что в первую очередь надо «развивать у молодёжи творческое начало».

¹ «Комсомольская правда» от 29 октября 1931 года.

² М. И. Калинин. Статья к 25-летию ВЛКСМ. 1943.

³ М. И. Калинин. Речь в Военно-политической академии. 1940.



М. И. Калинин в Ленинградском политехническом институте имени Калинина. Октябрь 1927.

С рисунка В. Горбунова

¹ М. И. Калинин. 1875—1946, стр. 28. Госполитиздат. 1946.

² Из речи на собрании научных работников и студентов в Ростове-на-Дону. 1927.

Большой интерес представляют высказывания М. И. Калинина о студенческой молодёжи.

Сопоставляя условия учёбы в СССР и в старой России, Калинин указывал, что гимназия, причём к систематическому обучению, одновременно убивала энергию, волю людей и в конечном счёте создавала безвольную интеллигенцию, целое безвольное поколение. Не то в советском вузе. Мало того, учил Калинин, что советский вуз должен дать знания красивым спени-стам. Он должен развить у них энергию к жизни, дух творчества, создавать людей физически и нравственно сильных. Большое значение придавал Михаил Иванович воспитанию у студента в процессе учёбы организаторских навыков. Это достигается не академическим путём, подчёркивал он, а практической работой. По мысли Калинина, вуз должен воспитывать у студента самостоятельность мышления. Марксист постольку и ценен, поскольку он умеет применять марксистский метод к решению конкретных задач. Выступая в 1945 году на собрании слушателей и преподавателей Высшей партийной школы, М. И. Калинин говорил:

«Вот два студента пришли сдавать экзамен. Один студент дал точную формулировку по учебнику, а другой дал очень близкую к изложенной в учебнике, правдивую по существу, но неидеальную книжную формулировку. Как бы я оценил того и другого студента? Я бы с большим бы доверием отнёсся к знаниям второго студента и уж ни в коем случае не поставил бы ему балла ниже, чем первому, который цитировал книжку по памяти».

Интересные мысли высказывал М. И. Калинин о постановке самокритики в комсомоле. Бороться с конкретными ностальгиями зла, «выметать нечистоты», как выражался Михаил Иванович, — это важная, но не специфическая функция комсомольской самокритики. «На намётании воспитать, формировать характер человека» — вот главное. Говоря, в частности, о комсомольской печати, Калинин подчёркивает, что комсомольская газета вместе с отрицательным должна рисовать и положительное. «Это не значит ещё, что не надо бить, битьевать плохое, негодное; бить надо, но бить с тем, чтобы сохранить то, что есть ценное. Без этого нельзя, товарищи». И далее: комсомольская газета «обязана подойти к каждому человеку, оценить его, выявить его положительные стороны, ибо нельзя же молодёжь воспитывать только на отрицательном. Разве коммунизм — доктрина отрицания? «Боже упаси». Коммунизм есть максимальное проявление творческих сил, терпимость и уважение ко всем тем, кто умеет творить и трудиться»¹.

Михаила Ивановича всегда отличала прямота, откровенность в отношениях с молодёжью. Он не стеснялся сказать пусть неприятную, но правду в глаза. Вот он присутствует на совещании учащихся средних школ Вауманского района Москвы (1940 год). Его не удовлетворили некоторые выступления отличников, говоривших чужими, готовыми фразами. И Калинин говорит:

«С этой трибуны сегодня выступали отличники учёбы. Я должен сказать вам, товарищи отличники, что вы говорите хорошо, красиво, но — простите за откровенность — совсем не оригинально. Конечно, такая откровенность обидна для вас, но я говорю это не для того, чтобы обидеть вас, для того, чтобы вы поняли самое главное, что необходимо в учёбе».

Или вот ещё пример. В 1942 году М. И. Калинин беседовал с работниками Государственных трудовых резервов. В беседе выяснилось, что в одной из школ ремесленников в городе Горьком часто ребят бьют комсомольцы, учившиеся на комсомольском убежище дома, в село. Михаил Иванович заинтересовался, как оценили этот факт в училище, что сказали ребятам, когда они вернулись. Руководители Управления Трудовых резервов ответили, что ребятам разъяснили роль кадров для промышленности и призвали их привести в порядок свои учения. Реплика Калинин была такова: «Этого мало. Надо было собрать ребят и сказать им: «Ах вы, трусы! Вы бежали, какие же вы из защитники? Ваши отцы борются с фашистами, а вы разбегаетесь по деревням. Мы-то думаем, что вы будете спасать училище, а вы убежали, какие же



Михаил Иванович Калинин.

вы храбрыцы?» — Так и надо было сказать им: «Трусы вы, опозорились на всю Россию, один самолёт налетел, и вы разбежались...»

Большой и тонкий знаток молодёжи, Михаил Иванович помогал ей понять, что она живёт в исключительно хорошее и интересное время. Не было другой исторической эпохи столь интересной, столь богатой героизмом и драматизмом, как наша эпоха. «Ни за что не найдёте страны», — писал М. И. Калинин, — где бы так любил молодёжь, как у нас.

Тема «Калинин и молодёжь» буквально неисчерпаема. Будет ещё написаны книги об этом. В лице Калинина — верного соратника Ленина и Сталина — наша молодёжь видела образ родной советской власти.

Имя Калинин стало символом беззаветного служения и преданности интересам Родины, её благосостоянию и процветанию. Вот почему память о Калинин будет жить в сердцах молодёжи и вдохновлять её на самоотверженное служение своему народу.

П. ТАМИЛИН

¹ М. И. Калинин. Речь на VIII съезде ВЛКСМ. 1928.

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ

Рассказ

— Кенка! Ты знаешь, какой ток у Моховой болота? Вчера там стоял стол... За два километра слышно, как токовали тетерева... Эх! Мы бы с тобой нахватали дичи, если бы нам достать ружьё! — говорил с азартом завязтого охотника Горанко Шестаков, одноклассник Кенки Васина, размахивая линьшкой.

— А где его достанешь? — безнадёжным тоном спросил Кенка и глубоко вздохнул.

— А это что? — Горанко показал на традиции, которые бережно нёс его приятель. — Ведь ты опять сегодня две пятёрки получил и за третью четверть в крутые отличники вышел. Представляешь, отметки и попроси у своего батюшки ружьё. Неужели не даст? Хотел на один день!

— Не даст, — уныло покачал головой Кенка. — Скажет, молодой ещё.

— Молодо! На будущий год в комсомол будут принимать. Ведь ты ни разу не охотился! — возмутился Горанко.

— Ладно... Попрошу.

— Только ты не забудь меня с собой взять на охоту, а то обрадуюсь и убежусь один. — Возьму, — пообещал Кенка.

Горанко кинула выхвачтой головой и, переманив через забор садики, скрылся за локматой елью. Кенка подошёл к своему дому, поднялся на крыльцо и открыл дверь.

— Папа! Вот смотри! — обратился он к отцу, сортировавшему пушнину.

— Что ты мне показываешь? — спросил Родион Ильич, поднимая голову.

— Две пятёрки по арифметике и по русскому языку! — торжественно сказала сын.

Родион Ильич сел к столу и, нахмурился брови и прятая под усами улыбку, долго рассматривал кенкинны тетради.

— Молодец, парень! — сказал он. — По осени надо отправить тебя в Мотыгинский десятилетку. Как думаешь, мать?

— Если сдать экзамен, пусть едет. Может, на доктора выучится, — сказала мать. Она поставила в буфет вымытую посуду, вытерла руки и осторожно вышла у Родиона Ильича кенкинны тетради.

— Почему на доктора? — сказал отец. — Всякая профессия хороша, если человек усвоил её и относится к ней честно. Охотник тоже на своём месте пользу приносит государству.

— Конечно, — подвела Кенка, — надо и охотиться уметь. А какой я охотник, если ни ружья ни разу не стрелял.

— Молод ещё, — вставила мать.

— Правильно он говорит, — заступился отец. — Надо гордиться родовой профессией.

— Папа, дай мне ружьё! — горячо воскликнул Кенка. — Я бы завтра на ток сошёл.

Родион Ильич почесал затылок, но уже почувствовал, что отступать неудобно.

— Ладно, — сказал он, — только с одним условием. Это тебе будет вроде приёмного экзамена в охотничью артель.

— Какой ещё он охотник, — запротестовала мать.

— Ничего. Парень здоровый! Меня так дел плавать учил. Подвёл к Енисею, да и столкнул в воду: лывы, мол... Выплыл. Дам я тебе ружьё только с одним патроном. Охотись хоть целый день, а без дичи не приходи. Не добудешь, не получишь ружья до тех пор, пока в комсомол не примешь. Ясно?

Мать улыбнулась:

— Ну, разве что так. На это я и согласна. Кенка напустился:

— Какая же это охота, с одним патроном? — Самая настоящая охота. Дай тебе десятка — ты будешь палить в белый свет, как в копеечку, а при одном патроне у тебя и выдержка, и терпение, и осторожность появятся.

Зря не выстрелишь. Покажи, как ты умеешь орудовать ружьём.

Родион Ильич снял со стены одноствольную централь и вместе с пустой гильзой перешёл Кенке. Кенка торопливо нажал затвор, вставил гильзу в патронник, но ружьё не закрывалось.

— Не торопись, дожди гильзу большим пальцем. Вот теперь закрывай!

Затвор щёлкнул, и ружьё закрылось.

— Цепишься умеешь? — спросил отец.

Кенка приложил ружьё к плечу и стал опускать ствол вниз.

— Не так, — сказал отец. — Наводи на цель снизу, и как только мушка появится в окне прицела, затай дыхание и плавно нажми спусковой крючок.

Кенка быстро освоил немую науку.

— Ну вот, завтра получишь патрон с дробью и отправляйся.

Спал Кенка тревожно и проснулся на заре. Поблизости от холода, он быстро оделся, позавтракав, положил в карман краюху хлеба и пару яичек. Отец вынес ему патрон и подал ружьё.

— Зарядишь его, как дойдёшь до места охоты. Отправляйся!

Ни пуха, ни пера, — пожелала мать. Кенка направился вдоль узинки подойдя к садике с локматой елью, крикнул:

— Горанко, пошли на охоту!

— Я сейчас! — отозвался Горанко и торопливо стал одеваться.

— Куда это вы в такую рань? — спросила его мать.

— На охоту.

— А ты с чем будешь охотиться? — Мне одним ружьём.

— Только не пораните друг друга.

— Ну, вот ещё! Что мы, маленькие, что ли? — Да ты поспи.

— Я с собой возьму, — он захватил калач, мать сушила ему копытного хариуза. Горанко заткнул за пояс топор и выбежал из дома.

— Давай я понесу патрончик, — на ходу обратился он к Кенке.

— Да у меня один патрон.

Горанко поморщился:

— Зачем же я пойду с тобой, раз у тебя один патрон?

— Я бы дал тебе выстрелить, да видишь, какая штука!... — И Кенка рассказал приятелю о своём разговоре с отцом.

Горанко немного подумал и махнул рукой.

— Ладно! Пойду. Ты старайся, чтоб не промазать. А я буду высматривать дичь. Ты знаешь, как я подкрадываюсь? Как кошка! Без ружья меня дичь подпускает вплотную, а за мной ты подползёшь. Добудем — назавтра получишь целый патрончик зарядов. Вот тогда и мне дашь выстрелить.

— Конечно! — радостно воскликнул Кенка.

И друзья направились в лес.

Багровое солнце, цепляясь за ветки, поднималось к вершинам деревьев, отражаясь в капельках росы тысячными разноцветными алмазами.

Вербя уже выпустила свои жёлтые цветочки, и они качались на ветках, как только что вылинувшиеся плетни. На склоне хребта алели верхушки сосен. Разнообразный хор птиц ве-

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

Отец

Здоровый, крепкий мальчик растёт на радость всем у токаря Петрова из цеха номер семь. Любков к нему огромна и нежность горячая у токаря Петрова Ивана Ильича... Придя домой с завода, он говорит сынку: — Ну, что, Андрей Иванович, сиди по котлету? Сядем и почитаем, когда закончим пир, чего-нибудь из классики, хотя бы «Мойдодыр»... Он книжек в изобилии купил для паренёк — Гайдара и Чуковского, Барто и Маршак.

С мужской неукаяжестью купил он невпопад ребёнку два «конструктора» и фотоаппарат. Любков к нему огромна и нежность горячая у токаря Петрова Ивана Ильича... Закат над городом потух, на улице темно. Влетает тополный пух в раскрытое окно. Андрей Иванович сладко спит в кровати голышом. Отец сияющий стоит над спящим мальшом. Полушпуну приподмет, наклонится к нему, послушает дыхание, — и кажется отцу,

что у соседней громкие не в меру голоса, что свет от лампы падает ребёнку на глаза. А мальчик спит себе. Ему приснился в это время пропахший пороком отец в танкистском чёрном плаще на фоне танка своего, войною обожжённого, слегка похожий по усам на маршала Будённого, — такой, каким запечатлел на вечные века на пожелтевшей полосе газеты «На вraga!». Кружится тополный пух над ухом ребёнка. И паренёк, спит, как за стеной, за батюшкин спиною. г. Иркутск.



...Машины затормозили и остановились у самого моста...

сёлам повсюду приветствовал наступающий день. Клейкие листочки берёз ещё не опушили веток, но уже издавали такой аромат, что наши охотники от удовольствия морщили носы, втягивая в себя весенний запах. Кенке стало неожиданно весело, и он начал подсвистывать, передразнивая птиц, а они ещё громче засвистали на разные голоса. Кенка засмеялся.

— Тише,—предупредила его Горанко,— вот уже озеро. Я пойду в разведку, а ты стой здесь. Как махну рукой, ползи ко мне, только тихо.

Горанко, пригнувшись, пошёл к озеру, потом пополз на четвереньках, прячась за прибрежные кусты. Наконец, он остановился и, выгнув шею, замер в наблюдательной позе. Кенка криво смеялся по тому же направлению, но ничего не видел, кроме прошлогоднего камыша и тонкой пелены тумана, плывущего над водой. Горанко махнул рукой и всем телом припал к земле. Кенка, осторожно передвигаясь, пополз к нему.

— Сразу за камышами плавают четыре селезня. Совсем близко. Здоровенные! — прошептал ему Горанко. — Я стану на колени, а ты положи мне ружьё на плечо и стреляй.

Я с сучка вербы выстрелю,—прошептал Кенка и, выгнув голову, стал оглядывать озеро. Он сунул ружьё на сучок и приложил приклад к плечу, постепенно поворачивая ствол за плывущей дичью, стараясь поймать на мушку переднего селезня. Сердце его билось учащённо, в ушах стучала кровь, но рту пересохло. Он помнил наставления отца и застал дыхание. Но он не решился нажать спусковой крючок, так как ещё не был уверен, что правильно прицелился. А утки уплывали дальше и дальше.

«Один только выстрел!... Надо стрелять наверняка. Не опоздать! — всё пропало!», — думал Кенка и опять начал прицеливаться.

Горанко горящим взглядом следил за плывущими утками. Ему хотелось крикнуть: «Стреляй, ухлан!» Но он стиснул зубы, боясь спугнуть дичь. Раздался выстрел. Первый селезень повернулся брошком вверх и, опустив голову в воду, остался без движения. Вторая птица судорожно забила крыльями, разбрызгав брызги. Она сделала круг, стараясь вырваться, но через секунду затихла.

— Дорогой! Обоих селезней напало! — кричал в азарте Горанко, выскочив из кустов

на берег озера. Кенка вышел из засады, смущённый и рассеянный.

Он вынул из ружья патрон и осмотрел его. Заряд был в патроне, а внутренность ствола чистая, как зеркало...

Кенка посмотрел на Горанку.

— Что случилось? — спросил он.

— Как это случилось? — улыбнулся Горанко. — Обоим наповал подстрелил.

— Да я не успел выстрелить!

На противоположной стороне озера из-за куста вышел охотник, а над кустом тайло серое облако дыма от выстрела.

Эй, ребята, подтяните уток шестом, а я обожду озеро и возьму их! — крикнул охотник.

— Так это он? Эх ты! — укоризненно сказал Горанко и, словом засохший ствол молодой сосенки, стал им подтягивать уток к берегу. Подошёл Никита Кузнецов, охотник из их же артели. Он увидел у Кенки ружьё и всё понял.

— Что ж, ребята, одна утка ашва, берите. Горанко посмотрел на Кенку, а тот, закинув за плечо ружьё, сказал мрачно:

— Сами добудем.

— Ну, ну, путём-дорогой! — напутствовал их Никита.

— И я вам по той же! — в один голос ответили ребята и пошли от озера по направлению к тому логу, в котором, как уверял Горанко, рыбчиков было видимо-невидимо. Они поплывали на пригорки и стали спускаться в низину. Солнце пригрело так, что даже в тени роса высохла, а хвойные деревья издавали острый запах смолы, капельки которой, выходя из трещин коры, выгибались в соулках проварочного ягара. От волнения и длительной ходьбы ребята изрядно устали, но не сдавались и, смахивая струившийся пот с раскрасневшихся лиц, стали спускаться в лог. Рыбчиков здесь не было.

— Перейдём на ту сторону лога, — предложил Горанко, — там кусты тальника и должно быть дичь.

Но путь на ту сторону прергаждало болото. Высокие кочки, опутанные прошлогодней осокой, серыми столбиками торчали у края, а дальше шёл синеватый зыбун, местами покрытый зелёной плесенью. Перейти на кочках, они дошли до него и ступили на мягкую его поверхность. Болотистая почва под ногами заколыхалась. Шедший впереди Кенка попятился и сел на кочку.

— Как бы не провалиться, — опасно сказал он.

— Не провалимся, — ответил Горанко и, обогнув сидящего Кенку, храбро ступил на зыбун.

— Не надо останавливаться. Я же хожу по болоту.

Почва осела, и Горанко оказался в воронке. Но это его не испугало, и он пошёл дальше. А зыбун колыхался круговой волной, как вода от брошенного в неё камня. Кенка встал, чтобы отпрянуть вслед за товарищем. В это время одна нога Горанко по колено провалилась в болото. Он на секунду остановился, пытаясь выдернуть её, но увидя и другую ногу, Кенка, поблещев, остановился. Горанко топтался на месте, стараясь вырваться из трясины, но погружался больше и больше. Кенка протянул ему ружьё, но оно не доставало до Горанки. Тогда он разрядил его и бросил товарищу.

— Положи ружьё поперёк тела и ложись на него, — посоветовал он Горанке.

Горанко так и сделал. Но обе его ноги провалились выше колена. Он руками и грудью обёрс о ружьё, однако ноги продолжали опускаться в болото. Кенка бросился к трёхметровой осинке, росшей у самого края болота, и, напрягая все силы, стараясь сломить её. Но она гнулась, не поддаваясь его усилиям. Наконец дерево треснуло, Кенка перепутал осинку и стал крутить её из стороны в сторону, пока не отломил. Горанко в это время погрузился уже по пояс и умоляющими глазами смотрел на Кенку. Кенка подбежал к краю зыбуна и протянул Горанке вершину осинки. Тот ухватился за неё сначала одной рукой, потом обеими.

— Держи крепче! — крикнул Кенка и, упираясь ногами в кочку, стал тянуть товарища из болота. Бродни Кенки погрузились в топкую почву, и холодная вода полилась через голенища, но он напрягал все свои силы.

Когда Горанко почувствовал себя вне опасности, он крикнул Кенке:

— Постой, не тяни, я ружьё достану! Держась одной рукой за дерево, а другой нащупывая ружейный ремень, он продел в него туску, потом, перебираясь по дереву, вылезл из трясины.

Грязные, голодные, усталые, ребята выбрались на сухое место и сели под развесистой елью.

— Хорошо, что я ещё пережил из кармана за пазуху — сказал Горанко, доставая харизу и калач.

Кенка вынул яйца, краюху хлеба, и они с аппетитом пообедали.

— Что же теперь будем делать? — грустно спросил Кенка. — Домой придётся идти.

— Зачем домой? На то пойдём, — возразил Горанко.

— Да ведь грязь на тебе засохнет так, что и ноги не согнешь. Хорошо бы до дому дойти, а ты на то.

— Не засохнет, — не унимал Горанко. — Мы сейчас пойдём к речке Тюреншюй, там обмоемся, высушимся и как раз успеем на то.

До Мохомого болота оттуда рукой подать.

Кенка открыл рубашку и заглянул в штол: он был наполнен болотной грязью.

— Протереть надо, — сказал Кенка.

— В речке промоем, — заметил Горанко. — Пойдём скорей, пока не засохла грязь.

Кенка согласился, и они направилась к речке. Грязь, высая на одеске Горанка, превратилась в панцирь и мешала быстрой ходьбе.

У Кенки в броднях хлопала и пищала намоченная в воде портянка.

Рейбта вышла на шоссе, пересекавшее реку и уходившее прямой полосой в хребты, связывавшие золотистый район тайги с Мотыгинским аэродромом.

Подходя к самому мосту, они увидели, что середина мостового настила была снесена водой. Стоявшая на уровне моста вода была такого же цвета, как и зажёжённый алмаз на камне, и это делало повреждение незаметным даже на близком расстоянии.

— Отчего она так разлилась? — спросил Кенка.

— Снег в хребтах начал таять, — сказал Горанко. — Когда прихотит машины с Центрального прыска?

— В Мотыгину они прихотят ближе к вечеру, — ответил Кенка, снимая с себя бродни. — Значит, здесь они будут перед началом вечернего тока. Как ты думаешь, успеем мы их здесь дождаться?

— До тока успеешь. Да тут рукой подать!

— Надо бы перейти реку и выйти навестрчу до второго перевала, чтобы предупредить шофёров. А как тут перейтишь? Если положить два бревнышка поперёк прорыва, но ведь нам их не достанет. Что же делать? — спрашивал Горанко.

— Мы привяжем на шест свои пионерские галстуки, и, как покажутся машины, станем посреди, и будем махать, — предложил Кенка.

Выставив предупредительные знаки у моста, они вытолкнули измазанную грязью одеску Горанки, промари рубашку, вытолкнули кенкин штанишку, потом сделали из пихтовых веток настил и, свернувшись комочком, заснули под солнечным припёком. Солнце склонилось к западу, когда ребята проснулись. Озвонил Горанко быстро оделся в высохшую одеску, Кенка обухся, и оба стали нглядываться в узенькую полоску шоссе, желтевшую за вторым перевалом.

— Хоть бы с этой стороны из Мотыгинки подошли машины, — тосливо сказал Горанко.

— Из Мотыгинки они утром выходят, — безнадёжно ответил Кенка.

Солнце зашло за лес, и сиреневые сумерки спустились в долину Тюреншюй.

— Скоро уж то должен начаться, — сказал Кенка, и как бы в ответ совсем близко заборотал тетерев. Оба засматили, прислушиваясь.

— Это ещё не на то, — стараясь успокоить себя и товарища, сказал Горанко.

В долине стало тише, чем на возвышенности.

— Ну что мы теперь сделаем, как предупредим шофёров, что мост повреждён? — Хорошо, если перевернёт машину ведёт Андрей, а если Силантий, — крушения не минует, ты знаешь, как он гонит.

— Хорошо бы костёр развести, — предложил Горанко.

— А спички есть? Я не захватил...

— Я тоже. Кто же знал, что они понадобятся!

— Без спичек в тайгу нельзя выходить,

говорил мне отец, а я вот не подумал об этом, — сокрушался Кенка.

— И всё-таки костёр развести можно! — уверенно сказал Горанко.

— Как же ты его разведёшь без спичек?

— А вот, — Горанко отвернул подкладку поношенной штани и показал сбитую войлоком куцелю. — Если её растереть и сделать из неё пыж вместо дров, то при выстреле она обязательно вспыхнет.

— Давай! — обрадовался Кенка и начал извлекать из штана дробь.

— Надо сначала набрать хворосту, — предложил Горанко.

Они быстро нащипали в одну кучу сухих веток, хвоя и сучков, Горанко надрал берёсты.

— Ну, стреляй вверх, — сказал он.

Кенка выстрелил. Взлетел ракетой затлевающий кусок куцели и, падая на землю, загорелся. Горанко подставлял к нему бересту, она затрещала, пошла струйка дыма, и яркое пламя осветило возвышающиеся и радостные лица ребят. Горанко поднёс его к кучке хвороста, огонёк побежал по сухим веткам, охватил хвою, и костёр запылал.

— Теперь только знай подкладывая хворост! — торжествующе сказал Горанко.

В этот момент на дальнем перевале замелькали огни фар идущих машин. Потом они скрылись и через четыре-пять минут снова появились на вершине первого перевала.

— Это Силантий. Видишь, как гонит! — воскликнул Горанко, и ребята, подхватив шесты с красными галстуками, стали размахивать ими. Костёр, освещая галстуки, делал их похожими на порхающие в воздухе пламя.

Машины затормозили и остановились у самого моста.

— Зачем остановили транспорт? — грозно крикнул выскочивший из машины Силантий.

— Настил на мосту снесло, — ответил Кенка и, отбавив с шеста галстук, нагнула его на шею.

— Ну, спасибо, ребята, что догадались предупредить, — отозвался Силантий. — Подожмите часок — другой, исправим мост — довезу вас до дому в кабине.

— Мы на то опаздываем, — ответил Горанко.

— Ну, ни пуха, ни пера, — пожелал им шофёр.

Рейбта свернула налево от шоссе по направлению к Мохомого болоту. На тропинке, пересекавшей путь, Кенка остановился и грустно промолвил:

— С чем мы пойдём на то, патриот! ведь впереди?

— Эх, будь ты мелальдиш! — ударил о землю шапкой, сказал Горанко. — Ну, ничего, — утешил он товарища, — выстрел не даром пропал.

— Конечно, — согласился Кенка.

А ток был в полном разгаре. В лесу раздавался характерный звук токующих тетеревов. После долгого молчания Горанко вскрикнул и сказал:

— Покажу, не даст больше тебе ружья Родион Ильич!

Я и просить не буду, раз не выдержал экзамен в охотничью артель, — мрачно ответил Кенка.

...

— Ну, охотник, давай дичь на ужин, — вступила мать Кенку.

На её голос из другой комнаты вышел отец. Кенка молча протянул ему ружьё и пустую шляпу. Родион Ильич вставил шляпу в ивешный на стене патронташ и повесил ружьё.

Пустой, значит. Промазал, что ли? — мрачно спросил он.

Кенка вынул из кармана дробь и, передавая отцу, сказал:

— Вот дробь, а стреляя я холостым патронташом.

Высмазала? — допытывался Родион Ильич.

Кенка подробно рассказал приключения дяди.

Родион Ильич снял со стены патронташ с ружьём и, передавая их Кенке, сказал:

Почисти своё ружьё, завтра пойдёшь на охоту.



Вечерние часы Николай Чирнев часто проводит за чертённым столом.

ЧЕЛОВЕК ОПРЕДЕЛЁННОЙ ЦЕЛИ

Они остались втроём, когда началась война: мать, Николай и совсем маленький Виктор. Заботы о матери и брате легли на четырнадцатилетнего Николая.

Теперь, когда смотришь на него, широкоплечего, хорошо сложенного молодого человека с уверенными, сильными руками рабочего, трудно представить себе мальчика-школьника, каким он был десять лет назад, — с неокрепшим телом, с плавными, привыкшими подрабатывать только пером да принадлежностями различных мальчишеских игр. Что они мог сделать тогда? А он хотел, во что бы то ни стало хотел участвовать в общей борьбе с врагом, в защите Родины.

Нередко люди, добившиеся больших успехов на средней школе, никогда не думал о профессии токаря и, в сущности, очень смутно представлял её себе. Он знал только одно: машина, станок подчиняются не силе, а умению, навыку, сообразительности — и решил испытать себя на заводе. Может быть, он окажется не хуже других?

Николай Чирнев просто говорит, что, учась в средней школе, никогда не думал о профессии токаря и, в сущности, очень смутно представлял её себе. Он знал только одно: машина, станок подчиняются не силе, а умению, навыку, сообразительности — и решил испытать себя на заводе. Может быть, он окажется не хуже других?

Николай поступил на завод имени Орджоникидзе, где создавались всевозможные станки для обработки металла. Здесь, во втором механическом цехе, мальчик понял, что каждое спокойное, точное движение рабочего — удар по врагу. Дежура по ночам на крышах, глядя на разрывы фугасок, на висящие в воздухе «слоты», рассеивающие зловещий мертвенный свет, Николай давал себе слово как можно скорее сделать настоящим, хорошим станочником. Но это было не так-то просто.

Порой, встречая взор Николая, смелый мастер Дмитрий Яковлевич Тимошин являлся улавливал в нём призыв: «Помоги!»

— Учись, — говорил тогда Тимошин, устаю улыбаясь. — В этом весь секрет нашего мастерства.

И мальчик учился: у Тимошина, у токаря Витановского, у других рабочих.

Среди станков, дрожащих от напряжения, Николай впервые почувствовал силу коллектива, силу людей, объединенных общей целью.

Летом 1924 года, когда начались яростные бои за Сталинград, Николай Чикирёв вступил в комсомол. Ему, как солдату, хотелось в тяжёлую минуту чувствовать локоть соседа, и комсомол дал ему это чувство. Ещё сильнее захотелось Николаю быть полезным и нужным Родине. Он стремился не только выполнять свой служебный долг, но и делать гораздо больше, искать новых путей. Этим благородным стремлением был охвачен весь комсомольский коллектив завода, этому учила молодёжь партийная организация.

Много бессонных ночных часов провёл Николай Чикирёв над книгами и в размышлениях, прежде чем понял, что возможности его станка далеко не исчерпаны. Разве доказал кто-нибудь, что скорость резания повисает больше нельзя? Чикирёв стал постепенно, сначала очень осторожно, увеличивать число оборотов станка. А на исходе 1942 года он добился результата, который ему самому показался невероятным: за смену выполнял семь дневных норм! Коммунисты, комсомольцы, все передовые рабочие радостно встретили успех Чикирёва. Их дружеские советы и поддержка ещё больше возмужали Николая.

В 1943 году к годовщине Советской Армии Чикирёву поручили важное и срочное задание по нарезке резьбы. Роль винта в технике вообще исключительна велика. В древние времена мастер, изготавливавший винты, считался чуть ли не волшебником. Может быть, ещё с тех пор у техников сохранилась череморная осторожность, проявлявшаяся всегда, когда дело касалось нарезки резьбы. «Резьба не любит скорости», — утверждали мастера. Скорость нарезки резьбы по сравнению с другими видами скорости резания металла была черепашьей.

Успешить её — эта мысль очень мучила Николая Чикирёва. Но здесь уже требовались и особые ресурсы и новые расчёты.

И вот юноша-комсомолец, только что познавший тайны станка и радость первого творчества, попыткался на «всемогущий винт».

Чудесные творческие силы молодости, сила коллектива дали ему смелость и умение осуществить то, что уже, как говорится, «висело в воздухе».

Никогда не забудет Николай того дня, когда испытывал усовершенствованный им и Диковым инструмент для скоростной нарезки резьбы. За спиной молодого токаря стояло несколько человек. Подготавливая станок, он слышал их дыхание — то сдержанное, то шумное, как у людей, только что переплывших реку. Каждый думал: «Удастся или не удасться опыт?» Болитесь товарищ! вдохновляло Николая: ведь среди них были и те, кто помогал ему советом, делом. Он обязан оправдать их надежды.

Станок пустыл станок. Деталь вращалась с такой бешеной скоростью, что конец и начало обработки её не могли уловить самые зоркие глаза. Всем казалось, что станок вообще работает ахолостую. «Рёбёнка», сконструированная Николаем Чикирёвым для скоростной нарезки, и повышение числа оборотов шпиня станка позволили молодому токарю выполнить 25,5 норм!

В пятидесятый лет Чикирёв стал знатным человеком завода. В том же 1943 году, в годовщину Октябрьской революции, его в числе других передовиков пригласили в Кремль. Он был вне себя от счастья, что увидит и услышит любимого вождя советского народа Иосифа Виссарионовича Сталина. И вдруг у Боровичских ворот возникла заминка: «Ваш паспорт, молодой человек!» А какой паспорт может быть у пятидцатилетнего пареня? Чикирёв пропустил в Кремль по комсомольскому билету. А там уж он оказался в самых первых рядах и близко-близко видел величайшего человека, различал каждую интонацию в его голосе. В ответ на похвалу товарища И. В. Сталина, обращенную к горьким трудившимся юношам и девушкам Советского Союза, Николай поклялся работать ещё лучше, учиться ещё упорнее.

Чикирёв с честью сдержал клятву, данную им мысленно тот день в Кремле.

У Николая есть настоящий друг: Юрий Диков. С ним вместе, своим смельчиком, вынашивали Николаю смелые замыслы, делал эксперименты. Помощь старшего товарища, мастера Андрея Николаевича Гончарова, воспитанного на заводе много отличных токарей, советы и указания новатора инженера Михаила Яковлевича Карпова помогли Николаю Чикирёву достигнуть успеха, за который ему в 1951 году была присуждена Сталинская премия.

Изменив способ закрепления детали, совместив несколько операций и увеличив скорость оборотов изделия, Николай Чикирёв и Юрий

Диков стали при нарезке резьбы — любой резьбы! — выполнять 35—40 норм.

Мы как-то привыкли ощущать скорость мчащегося поезда, автомобиля, летящего в небе самолёта. Но скорость резания металла для огромного большинства людей представляется чем-то отдалённым. Однако любой человек, увидевший Чикирёва за станком, сразу осознал бы всю необычность того, что делает он, если бы рядом работал другой станочник со старинке».

Опыт Николая Чикирёва не его личный, недостаточный для других «рекорд»: он быстро осваивается и молодёжью и старыми рабочими. На заводе имени Орджоникидзе уже созданы четыре молодёжные бригады, успешно работающие по способу Н. Чикирёва.

Николай Чикирёв ездил в Минск, Витебск, где на станкостроительных заводах обучал рабочих скоростной нарезке металла. С горячим энтузиазмом к нему встречают новатора, восторг у него есть последователи, уже мечтающие перекрывать нормы своего учителя. Это особенно радует Николая: так может быть почтёнее, чем зачёты в других стремлении работать лучше тебе?

У Николая Чикирёва множество наград. А именно чаша горькома комсомолу с надписью «За самоотверженную работу для фронта» имеют особую историю. Когда их принесли Чикирёву, он спал за столом глубоким сном, положив голову на руки; рядом стояла нетронутая тарелка супа. Николай только что вернулся после ночной смены...

Николай Сергеевич Чикирёв уже пять лет состоит членом партии. Он человек ясной цели. Все свои мысли и силы отдаёт он своему народу, своей Родине.

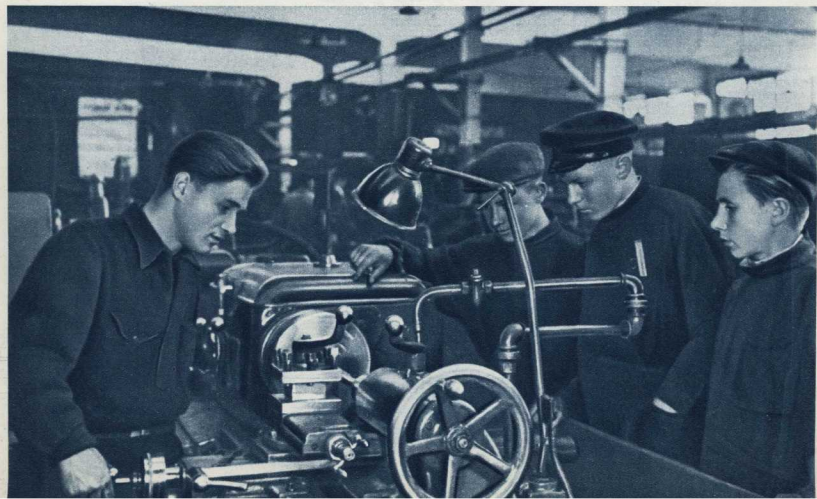
— Я не останавливаюсь на достигнутом. Я хочу работать ещё быстрее и лучше, чтобы росло число рабочих-скоростников, чтобы наша страна вступала больше станков и делалась всё могущественнее, — говорит он.

Плечом к плечу со всем коллективом завода молодой коммунист Николай Чикирёв идёт в первых рядах борцов за мир. Их борьба завершится только победой, полной победой.

В дневнике Чикирёва есть такая запись: «Свое счастье не построишь без общественного счастья». Николай нельзя представить себе вне коллектива, он не может быть весёлым, когда в беде его друг, равнодушным к судьбе близкого человека. Его личное счастье неотделимо от общественного...

А. МОРОЗОВ

Знатный новатор-скоростник Н. Чикирёв передаёт свой опыт и знания молодым рабочим.



На аэстичной площадке, загораживая проход, сгрудилась говорливая стайка студентов.

— Ну, как ты не понимаешь? — горчит высокий, худощавый юноша в очках, обращаясь к стоящей у перил русоволосой девушке. — В Московской области кормовая база может быть не хуже, чем на юге. Правда, ребята? — И снова разгораются ожесточённый спор.

По спиральной аэстиче поднимаются студентка с раскрытой книжкой в руках.

— Тинел! Тинел! — машет она рукой. — Расскажите-ка лучше о кормовых нормах для молочного скота; в учебнике что-то очень мало об этом.

— Зачем же ты по учебнику читаешь? — говорит кто-то. — Надо было газеты читать, брошюры об опыте передовиков...

Хаюнает дверь, и кажется, что гулко и сердито стучат каблуки. На площадке появляется девушка с озорным лицом.

— Ну что? Как? — устремляются к ней все.

— Неважно, — отводит девушка взгляд. — Жуже, чем ожидала: четверка.

— Чего же ты не знала?

— Взяла билет — всё знаю. И думать много не стала, отвечаю и вижу: во втором вопросе у меня автентикомы, а мне показались витаминны. А он как раз и спросил...

«Он» — это профессор И. С. Попов, принимающий экзамен по кормлению сельскохозяйственных животных у птицеводов III курса зоотехнического факультета Академии имени Тимирязева.

— Вот и не успела собраться с мыслями...

— Да-а-а... — тинет кто-то неопределинно.

Клавя Зверевой, получившей четверку, хочется остаться одной, побыть наедине со своими мыслями. Она оставляет умоляющими товарищей и выходит в сквер. Знакомые, ставшие родными громады корпусов обступили её. Но сквер встретил Клавю неприветливо. Она собралась было сесть на пустую скамейку — напился на фанерном листе строго предупреждая её: «Осторожно! Окрашено».

«Ну и ладно», — решает Клавя, — нечего сидеть сложа руки, нечего грустить и тем более думать. Впереди два экзамена! Надо сразу же сесть за книги, чтобы ничего не забыть, даже на «отлично» и ехать на практику. Итак, за книги! — И Клавя поспешила к трамвайной остановке.

А экзамены идут своим чередом. Профессору отвечает «высокая» женщина Зоря Столяр. Спокойно, совершенно не волнуясь, он рассказывает обстоятельно и подробно. И профессор доволен. Этот юноша привезёт на ферму в Ставрополе, куда он едет на практику, хорошие, прочные знания. Наконец Зоря выходит из аудитории. В «зачётке» у него — 5. Зоря садится на перила, извлекает из папки книг брошюру «Опыт допорок-птицеводов» и начинает её перелистывать.

— Замечательная вещь! — говорит он. — Ведь что эти неформалисты? Сидели в четырёх стенах, копались в пыли псевдонаучных трудов и вопили на каждом углу: «Надеждистность — это всё!» А вот наши передовики, простые советские люди, доказали, что всё — это среда.

— Да, хороший уход много может изменить. Вот у кого мы должны учиться! — слышится чей-то голос.

— Зорюво волнуешься? — спрашивают Зору товарищи.



Сейчас идти на экзамены. Студенты-тимирязевцы ещё раз просматривают свои записки...

Фото А. Бочинина

Торжественно

— Да, когда шёл. А взяла билет, сел готовиться — и даже забыла о волнении.

— А я и не скрывала. Индейки сапшом догадывались, надо повысить их скороспелость — вот над этим и буду работать.

И будущий зоотехник, радостный, сияющий, полный творческих планов, несётся вниз по лестнице и выбегает на воздух, к солнцу. Да, хорошо получить заслуженную пятёрку после долгого и упорного труда! Зоря Столяр занимался в течение года систематически и серьёзно. Часто после занятий он оставался в лаборатории или шёл в библиотеку.

На «отлично» сдала и Гаяля Румянцева, комсорг группы. Она ещё в школе показывала животных. Потому и пошла в Тимирязевку. В детстве любила она читать про львов и тигров, а тут, оказывается, не тигры, а утки, гуся да куры... Сначала она колебалась, хотела даже перейти в Педагогический институт, и мать всё время уговаривала: «Был бы врачом или училем, а то что это такое — зоотехник!» Но Гаяля всё же не ушла, а на третьем курсе, когда начали изучать специальные предметы, совсем увлеклась. «Если бы снова пришлось выбирать специальность, была бы только зоотехником и никем кроме!» — говорит она.

Да и не только Гаяля Румянцева, вся группа убеждена, что их специализация — самая мирная, самая нужная, самая радостная и интересная.

Вчера Гаяля, возвращающаяся из Академии, окружил на дворе школьники-старшеклассники:

— Гаяля! Как сдаёшь? Много остаётся?

— Ой, малышки, девочки! Поступайте к нам в Академию! — говорил Гаяля, не отвечая на их вопросы. — А вы знаете, что такое сельское хозяйство?

И Гаяля, ушедшая с ребятами на бровку, стала рассказывать им о своей мечте. У неё дома все не только рыболовы... Разводить рыбу тоже интересно, но не в этом дело.

— Знаете, — говорит она, — рыба должна быть очень много. Опустить ведро — и зачерпнёшь, полное рыбой!

— Ого! — радуются восхищённые восклицания вокруг.

— Гаяля, а почему рыба, ведь ты же птицевод? — задаёт вопрос вихрастый мальчуган с рыжим от несущегося лицом.

— А я еду на практику по рыбам и водопадающим птицам, еду на зарыбление прудов и водоёмов. Буду выращивать 25-граммовых мальков до 300-граммового веса. Знаете, это для экономики места: в воде — рыба, на воде — птица.

— А ты одна едешь?

— Нет, с Ниной Гудковой, она у нас отапливает...

И ребята, расходясь по домам, от души пожелали Гае хорошо сдать завтра экзамен и с ползостью провести свою практику.

...А на следующий день Гаяля в кругу товарищей продолжает разговор о предстоящей практике.

— Да, теперь мы поработали... мечтательно тинет девичьи голоса.

Действительно, впервые будущие зоотехники будут палых четыре месяца работать практикантами, доярками, даже бригадирками.

— Поработаем! — радостно тинет руки Зоря Столяр. Девушки весело смеются.

Придётся поспорить с агрономом! — воинственно заявляет маленькая худенькая девушка.

— А я скажу своему агроному так, — говорит Лёля Васманова — «Вы за пшеницу и я не против, но я и за кормовую!»

Её перебивает Гаяля Румянцева:

— Почему только кормовую? А травосмеси забыла? Надо зелёный конвейер устраивать, травосмеси сеять!

— Ничего не забыла, — горячо защищает Лёля Васманова, — вот за всё это я и буду бороться...

Все они, где бы ни проходили практику — на фермах, на животноводках, на зарыблении прудов, — сумеют хорошо применить полученные знания. Группа досрочно сдаёт «электрификацию», причём только на хорошие и отличные отметки. Готовились студенты к экзамену по 5–6 человек. Повторили все материалы несколько раз.

Вся группа — это сплочённый, дружный коллектив, где каждый готов прийти на помощь товарищу.

Придут эти девушки и юноши в колхозы и совхозы и будут хорошо и много трудиться. А едут они в разные места — в Ставрополье, и в Ярославль, и под Москву, и под Орёл. И каждый мечтает по окончании учёбы поехать туда, где больше всего нужны его силы и знания. Поэтому так радостны для них эти горячие дни экзаменов.

Л. ПОПОВА,
Н. АЗЕРСКАЯ





У НАС НА АКТЕРСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ

Рассказ

Слав экзамен по истории театра, Сергей не бежал вместе со всеми на Неву — «открывать купальный сезон».

— Ну его, холодно ещё, — сказал он тогда Вале Саиста-инову.

Первый раз Сергей выкупался два дня спустя, а в пятницу вечером заболел. Он был заперся в двенадцатой аудитории, собираясь подняться, но, прочитав несколько строк гекзаметра, заснул. Не зажгши света, он долго сидел у рояля в тёмной аудитории, потом пошёл через двор в общежитие.

Глубоко заснувшие руки в карманах, с выражением мрачного безразличия Сергей остановился в дверях своей комнаты.

— Ну, как погода? — бодро встретил его Коля Фомин.

— Погода — дрянная! — кратко отказался Сергей и облизнул сухие губы. Коля испугался. Лаковичича Сергей был только в двух случаях: когда получал двойку по французскому языку и когда заболел.

Николай отложил на сторону книги:

— Захворал, старина? Ух ты, лоб какой горячий! — доброе коллино лицо омрачилось. — Ну, ничего, раздевайся, я тебя сейчас камфарным спиртом смажу.

— Не хочу камфарного спирта! — сказал Сергей и устало закрыл глаза. Однако он покорно раздвинул и позволил уложить себя в постель.

Через полчаса все общежитие Театрального института знало, что Сергей Кушнэрв протруслился и с лёгкостью температурой 39,1.

На лестничной площадке третьего этажа, носившей название «Форум», собралось срочное собрание. Третий курс актёрского факультета, мастерской профессора Сумцова был представлен здесь почти полностью.

— Побежал с театровдами купаться! — басом бранился мрачный красавец Миша Мохоев. — А третьего дня, ночью, гулял, распахнувшись, и без кашне. Я ему говорю: «Серёжа, ты бы хоть горло закутал!» А он: «Ураасно, мол». Выдали фригаты?

— Да, да, злодей, по всему видно! — возмущился Жёна Сумцов.

— Не кричи! — остановила его всегда благообразная Ирина Бунчикова. — Надо не кричать, а принимать меры. Жёна, ты в аптеку: ступай, тощида, малинов, горчичников и прочее. Ты, Надя, тащи наше большое тёплое одеяло. Миша раздобудет волки, Яша вызовет врача. И ещё одно: о том, что застрявший спектакль под угрозой, никому пока ни слова.

В комнате, где лежал Сергей, было тесно. Стол, тумбочка, единственный стул, подоконник и колпачная кровать были уставлены банками с вареньем, коробками с печеньем и мадаридами. Остро пахло камфарным спиртом.

— Ты теперь понимаешь, голубчик, что ты натворил? — голос Миши Мохоева звучал глухо. — Экзаменационный спектакль завтра. О наших «ваши виноватых» весь город говорит...

— Серёжа, дружок мой, — говорил Жёна Сумцов, с трудом подавляя в себе желание динуть больного кулаком в бок. — Ты же нас режешь, милый! Я знаю, герой-любимый не отличается сообразительностью. Но в данном случае понять нетрудно: идёшь на сцену труд многих месяцев, труд коллектива!

Сергей попытался отворнуться к стене. Но его удержали безжалостные руки товарищей.

— Девушки, а ну-ка, выйдите на несколько минут, — проговорил Жёна Сумцов.

Когда девушки вышли, он схватил бутылку с камфарным спиртом и угрожающе стал подступать к больному.

— Да не приставайте ко мне... — сказал Сергей, но покорно поднял рубашку. Я боюсь шекотки. Кроме того меня уже этим мазали...

Рубашку расстегнул Сергей по очереди. Они зашмыгались. На лестничной площадке Миша Алексеев, отдуваясь и вытирая лоб, сообщил девушкам:

— Он не теряет чувства юмора. Это прекрасный симптом. Завтра будет здоров.

— Пусть только он выздоровеет, — прибавил Сумцов. — Мы его по комсомольской линии пропесочим, будет помнить всю жизнь!

— На всякий случай не мешало бы подумать о замене, — сказала Ирина Бунчикова.

— Заменить? Но кем? — спросил Алексеев. — Допустим, Коля Фомин. Он в последнем акте вино разносит. Вино может разносить кто-нибудь из первокурсников...

Ребята молчали.

— Такой торжественный спектакль, — тоскливо вздохнул Миша Мохоев. — А Александр Борисович сказал на последней репетиции, что Кушнэрв в роли Миловогорова «яркое актёрское достижение». Спектакль без Сергея терпит наполовину. Он это знает. И в таких условиях — заболел!

В заключение ребята вызвали в коридор Колю Фомина.

— Главное, не давай ему терять чувство юмора, — сказал Алексеев. — Я Серёжу знаю: пока он шутит, всё в порядке.

— Не давай ему вылезать из-под одеяла, — посоветовала Гая Шустикова.

Коля понуро кивал головой, моргал близорукими глазами и подавленным выдыхал.

— Яков прав. Бодрость духа — это всё, — напутствовал его Миша Мохоев.

И ребята разошлись.

Напоив Сергея чаем с малиной, Николай присел возле больного на постель и начал его развлекать. Он коснулся точки зрения К. С. Станиславского на те случаи, когда актёры позволяют себе заболеть. Великий режиссёр, как известно, считал, что только личная смерть является для актёра уважительной причиной не прийти на спектакль.

По словам Николая, его отец, старый провинциальный актёр, играя однажды Льва Гурьича Синичкина, вывихнул в первом акте ногу, но спектакль дотрял до конца. И только когда дали занавес в последнем акте, выбежал за кулисы и упал без сознания.

Рисунок А. Паукова



...Николай присел возле больного...

— Ты знаешь, эти старые русские актёры... Николай выразительно помодался. — Отец, помню, говорил: «Если спектакль объявлен, он должен быть сыгран, хотя бы театру суждено было при этом сорваться». И ты думаешь, горели, а играли...

Николай до конца рассказывал всякие небывшие, пока Сергей не закрыл глаза. Тогда Николай осторожно прикрыл лампочку газетой и сел с книгой за стол.

Сергей не спал. Он представлял себе, как завтра, несмотря ни на что, он будет играть... Вот Сергей проходил за кулисы. Ребята поддерживают его под руки. Они восхищены его мужеством, они уже простили его антиобщественное поведение. На сцене, в сиянии прожекторов, Сергей забывает обо всём и играет, играет, как никогда!... Сам Александр Борисович после спектакля благодарит Кушнэрва, жмёт ему руку и говорит, что Сергей показал себя настоящим советским актёром — человеком долга...

Сергей приподнялся.

— Коля, — позвал он тихо.

— Я здесь, старина!

Николай отложил книгу, увидев, как серьёзно глядит на него Сергей.

— Голос у меня пропал, — чуть слышно сказал Сергей. — Ты вот что: бери-ка роль, давай репетировать. Всё равно, кроме тебя, заменить меня некому.

— Что ты, милый, — растерялся Николай, — это тебе жарок прошибает. Ночь на дворе, рубишь спит, мышки спят...

— Перестать дурить, — сказал большой шёпотом. — Я всё равно не засну. Давай работать. Текст-то ты ведь знаешь хорошо... Ну?

За окном виднелся оскоп подерзанный крышами прозрачный уголок неба. Беслая ночь стояла за институтскими окнами. Глубокий заасфальтированный двор общежития чутко отражал все звуки, вплоть до шёпота влюблённых.

Чей-то голос упрямо тревожил тишину сорокоговорой: «Вашему пономарю, нашего пономарю, не перепонячивать статью. Наш пономарь

Скорость

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

Резец пошёл сперва вперёд,
Оставил след в металле,
И вот он вбок уже идёт
Вдоль будущей детали.
Он стружку лёгкую толкает,
Торчок как язык оскаленный.
Взгляни, моа, друг, как чист металл,
Без гари, без окалин.
Вертится ваа, резец прижат,
И стружка вылет круто,
А скорость? Метров пятьдесят,
Не более, в минуту.
Коснулся токарь рычага,
Коробки скоростей —
Резец и сталь, как два врага,
Слопалась на чертё.
Вновь на рычаг легла рука,
Полезла скорость за сто.
И тут внезапно черт станка
Забил дроздом верстака.
— Хахха, товарищ, черт край.
Гауши мотор, резец меняй!
Застыла и встал патрон станка,
Утихла лесь мотора.
А кое-где исподтишка
Попалам разговоры
— Эх, токарь, токарь-скоростник,
Далеко шёл, да скоро сник!
— Эх, токарь, токарь-бракодеа,
Забыл положенный предел.
— Эх, Аня, синие глаза,
Товарищ резчик,
С привычной нормы не ссаезай,
Не суйся в скоростницы!
— Не слушай, Аня! Этих слов
Не скажет и для смеха
Иван Денисович Фролов —
Партёр и мастер цеха.
Кто век свой думает или
Тройничкой — не дорожю,
Тот хочет бить тебя с пуги,
Живи, моа, нас не трогай.
Поверь, они не без причин
Твердят неправду сущую.

А у неё ответ один:
— Да разве ж я их слушаю?
.....
Когда скорость назначен срок,
Он подойдёт-придётся.
Сегодня Аня за станок
Приходит именинницей.
Не дрогнет девичья рука,
Мотор не подведёт.
И на девичью у станка
Любуется народ.
Всё учтено до пустака,
Всё выверено строго.
— Ну что ж, Анята, запускай!
Как говорится, тротай!
Резец ложится на деталь,
На слой, для дела лишний.
Быстрее рвись, живей састай,
Калась багровой вишней!
А темп, казалось, нарастаа.
Ломалась, стружка гасаа.
Резец сгонял литой металл,
Как саломное масло.
И вот уж, кажется, деталь,
Застыла, стоит на месте.
Сникет зеркала — не сталь.
А скорость? Скорость — двести.
Тут-то начальник техбюро
Партёру подмигнёт хитро,
А тот в ответ:
— Ну, как, сынок?
И оба смутят на станок.
А девушка? Теперь она
Вполне в себе уверена.
Такая не забудится.
Такая не отступится.
Как будто бы красавица
Станка и не касалась.
Он сам идёт в сражение,
Поняв её движение.
Идёт станок, вертится ваа
Словкой, плаваю, чисто.
Глядела бы — глаз не оторвала.
А скорость? Скорость — триста.
Как будто говорит станок:

«Смотри: я сделаа всё, что мог.
Резец, я грань не стёр твою.
Грязь железю мельче твоя.
Была баланчик мёртвая,
А будет ваа колесчатый».
Но руки снова вниз и вбок —
Иди, станок, спеши, станок!
Не подгонять нельзя его —
На то им и хозяева.
И вновь запла, запла мотор
Заминисто, задрисисто.
И язык оскаленный острё.
А скорость? За четырёста.
Тут Беткин крикнуа:
— Хорош!
Смотри, смотри, Васька!
И вдруг не выдержала — прошёла
Между станков вприпадку.
Но кто-то цыкнуа на него
С сердитыми глазами:
Моа, не мешай, не до того!
И он вскопичи и замер.
Но стих мотор. Умоа станок.
За два часа — дневной урок.
Тогда разинувшая народ,
Умоакали все при этом.
И Катя выпала вперёд
С большим живым букетом.
Чтоб больше зрителей увлечь,
Чтоб был полней успех,
Она давно зубрила речь
За спинами у всех:
«В твой светлый день больших побед,
Чудесный и счастливый,
Прими наш маленький букет —
Подарок коллектива.
Как первой ласточкой ты
Взлетела всех смеее,
Напомнит первые цветы
Из стен оранжереи.
Пусть дело светлеа твоё
Жажжёт огнём все души».
Но кто-то вытолкнуа её,
Сказав: — Пора, Катюша.
Тогда она, едва живая,
Вступила в центр круга
И растерла все слова
Лицом к лицу с подругой.
— От коллектива... в день побед... —
Запуталась, краснеа,
Сказала:
— На, держи букет!
И бросилась на шею.

ышего пономаря... — сбивался и начинал снова: — Вашему пономарю...»

— Кто-то, высухнувшись из окна, сердито посоветовал:

— Эй, пономарь Ляг, отдохни...

Всю ночь напролёт в одинолгой комнате занимался. А когда совсем рассвело и Коля, свесившись из окна, гля на голову воду из кухни, Сергей отпернулся к стенке и заснул.

...

Зрительный зал институтского театра «Пятая аудитория» был полоа. Мрамор колонн, свет люстр, знакомые строгие лица в первом ряду — всё было мучительно-торжественно, как бывает только на экзаменационных спектаклях.

А за сценой, в небольшой аудитории, приспособленной под гримировочную, сидел зеркалаа Коля Фомина, загримированный Микодороном. Глаза его были полузакрыты. Казалось, он сейчас заснёт. Время от времени он лениво потягивался и громко зевал. Потом небрежно слунув с лапкиа пудру, прогудивался, ни на кого не глядя, или, приподняв одну бровь, прислушивался к шуму в зале.

Гримёр Фёдор Нектаревич в последний раз подправлял бровь, зачесал височки. Режиссёр-педагог Аня Игнатьева в последний раз прошла по сцене энергичным шагом.

Вот она поворачивает голову к своим ученикам и, улыбаясь, обмахивает платком локоть лица. И ребята понимают, что она волнуется больше всех.

Звонит третий звонок.

В самом углу гримировочной лежит на кушетке закутанный в одеяло Сергей Кушарев. Долого до начала спектакля его провели крытым

переходом прямо за сцену. На замечание Фёдора Нектаревича он сухо ответил:

— Посмотрел бы я, как вы остались бы болеть, когда ваш курс играет.

Весь спектакль он проделал, не проронив ни слова, прислушиваясь к репликам, долетавшим в открытую дверь.

Но вот раздался сухой, лёгкий треск аплодисментов, и в комнату с цветами в руках, срывая парки, появились ребята. По их разговорчивым лицам струился пот. Они кричали, смеялись, трясли Сергея и дружно сложили все букеты к нему на грудь. За исполнителями врывались друзья, зрители, поклонники, театроведы, режиссёры, актёры... Сразу стало шумно и тепло.

Вошёл Александр Борисович с группой педагогов. Разговоры смолкли, и все глаза устремились на его медвежью фигуру с вислыми плечами, на седой ёжик и массивный лоб.

— Поздравляю вас, друзья мои! — сказал он. — Вы играли сегодня отлично. А вы, Фомина, всех нас озадачили. В коммиса даже спор возник: не верят товарищ, что ваше исполнение только «срочный ввод». Не верят мне, да... Нас, говорят, не проведёшь. Судя по характеру исполнения, роль педагога исполдоя... Он задумчиво пожевал губами. — У меня самое, честно говоря, будут к вам некоторые вопросы. Но это потом. Теперь разгиримировывайтесь, переодевайтесь и приходите в зал. Мы поговорим о каждом из вас подробно.

Сергей держал в руках чё-то измятое в гриме полотенце и внимательно слушал. Он думал не о том, как всё-таки тяжело актёру отдавать любимую роль другому. Он думал о том, как хорошо быть настоящим другом и что только такая дружба приносит счастье. Поэтому он с особым чувством пожал протянутую руку Николаа.

— Серёжа, спасибо, дружчик!

— Ну что ты, Коля! Разве могло быть иначе...

На одном из участков строительства Куйбышевской ГЭС. Слесари-монтажники монтируют транспортер камнедробильной установки.

ЖИГУЛИ

«Звезды туснеют. На востоке загорается алая полоска. Медленно встает над лесом солнце. На десяти километрах высвобождается величественная панорама Волги. По зеркальной глади ее скользят парусники. Волны с шумом налетывают на берег, опоясанный цепью Жигулевских холмов».

Жигули... повсюду, самое красивое место на Волге. Кто хоть раз побывал среди этих овеянных легендами гор, тот навсегда запомнит их чудесную красоту. Но никогда Жигули не были еще столь оживленными, как эти дни.

На огромной строительной площадке Куйбышевской гидроэлектростанции, раскинувшейся по обоим берегам реки, крутые скалы идут работы. Неторопливо разворачивают свои ковши экскаваторы, срывают лебедки, гремят взрывы, по дорогам движутся вереницы автомашин.

Волнистость строителей — возмужавшего гиганта — юноши и девушки, пришедшие сюда со всех концов страны.

«Это было не так давно. Над Волгой спускались сумерки. Работники ансамблевого парка расходились по домам. Последними из парня вышли Виктор Старинов и Август Борисов».

В клуб придешь? — спросил Август.

— Нет. Книгу хорошую достал. Почитаю.

А я сегодня в кино... и не один... с какой-то особенной репутацией в городе сидит Борисов.

Придя домой, он надел свой лучший костюм, пригласил непослушный чуб и только собрался пойти в кино, как в комнату вошел Старинов.

— Хорошо, что я застал тебя! — проговорил он. — Идем...

Куда?

— Потом объясню. Надо еще за Антоновым зайти... И они пошли вместе.

Володя Антонов сидел за кинематографом. Он, как и большинство населения, нуждался в кино. Он, как и большинство населения, нуждался в кино. Он, как и большинство населения, нуждался в кино.

Завтра утром на рытье котлована для начала работы электрической экскаватор, но трансформатор еще не смонтирован. Его необходимо осмотреть, установить, построить для него закрытое поме-

щение — портал. Времени мало. Решили поручить это ответственное задание комсомольцам.

Работа дружно приступили к работе. Ничего из них больше не думали о несоответствии свидания, ни о чтении книги, прерванном на самом интересном месте, ни о новом костюме, который был сейчас на нем вместо рабочего комбинезона.

Дул пронизывающий ветер, сыпавшая досны, мешая работать.

Портал подымался все выше и выше. И вот наконец прибыла последняя доска.

— Все!

Только теперь почувствовали комсомольцы, как они устали. Домой возвращались с песней. В синей дыме рассвета подымалась Могутовая гора. У ее подножья стоял экскаватор. К нему на смену комсомольцам уже шли старший машинист Владимир Колобков и его помощники Иван Янчуков и Григорий Строчин.

Экскаваторщики осмотрели машину, подлились в ее кабину. Здесь было чисто, уютно. Механизмы, тщательно протёртые, блестящие. Бригада решила взять экскаватор на социалистическое соревнование. Минувшая зима в Поволжье была жестокой. Снепригнатовали мо-

розы и ветры. На строительную площадку приходили каждый день сотни машин. Электрические экскаваторы надо было собирать. С расвета дотемна работники на морозе экскаваторщины Колобкова. Первыми на стройке за 12 дней вместо 28 по плану собрали они экскаватор и получили право первыми приступить и выемке грунта из котлована под фундаментом гидроэлектростанции.

За молодёжно-комсомольской бригадой прочно закрепилась слава передовой. Триста — триста пятьдесят процентов плана за смену — вот собою показателем её работы.

Слегка наклонившись вперед, сидит за рулем управления Иван Янчуков. Он подает рычаг вперед. Трекующий ковш стремительно нырнёт в яму, захватывает грунт, приподымается, плавно вылетит направо и выслепнет груду в мощный автомашину. Один пошёл — машина полна доверху. На её место встает второй, третий. День и ночь несут экскаваторщики свою трудовую вахту.

Центральный Комитет ВЛКСМ за стихословную работу наградили орденом 30 рабочих Куйбышевского пароузла Почётными грамотами. Среди награждённых экскаваторщиков Владимир Антонов, Август Борисов, Иван Янчуков. Почётную награду

получила и инженер Римма Канининова.

Трудная жизнь. Работы толпо начинаются. Ей всего 22 года. На «Куйбышевгидрострой» она пришла недавно — 7 июня августа, но многое уже успела сделать. По её проектам построено не одно здание, эти светлые, просторные, добротные дома — начало будущего города.

Пройдёт совсем немного времени — и его дворцы, театры, школы будут отражаться в прозрачных водах Куйбышевского моря. И жители города, любящие водным простором, будут с благодарностью проносить имя Риммы Канининовой, одного из первых строителей города.

На каждом участке строительства среди молодёжи есть подлинное горю трудя. Кто не знает на «Куйбышевгидрострой» комсомольца Бориса Протопопова? В годы войны он был минёром. Много вражеских мин обезвредил он, много спас человеческих жизней. Сейчас он работает взрыв-мастером и пропагандирует путь экскаватора, готовя им забот.

Одиннадцатая бригада взрывников находится на скале такой крепости, что её, казалось, нельзя было ничем ничем. Молодые взрывники пробурили в долоте шурфы четырёхдвухметровую глубину и закрепили несколько тонн взрывчатых. Затем все, кто находился на вершине, удалились. Боком зарыва остались лишь Протопопов и ещё один взрывник. Они сделали посылки пригнатовали, подожгли взрыворяд шурф и сбавая с горы, присоединились к рабочим, находившимся в укрытии.

Раздался взрыв. Поднятые в воздух осколки расходящейся скалы со свистом падали на землю. А многоголосое эхо, перекатываясь через Жигули, уходило всё дальше и дальше. Взрывом, подожжённым комсомольцем Протоповым, было подбито более 20 тысяч кубометров камня.

Над скалами Жигулины стоит теперь неумолчный гул гигантской стройки, ах, кто разлетелся далеко-далеко. Новым жильём — кинудом, неумолимым, полновластным хозяином — пришла сюда, на волнистые берега, где сошёлся Куйбышевский ГЭС — один из великих сталинских строков коммунизма.

г. Куйбышев

В. МЯСНИКОВ

Беспрерывно отгружаются на строительную площадку оборудование и машины.

Фото М. Клименко





Фото и текст

Г. ГАРИБЯНА и Б. МОНАСТЫРСКОГО

...Огромное лесное царство обступило нас, отдавая свежим запахом смолы, перенетной и лесных испарений. Навстречу на лесной чаще, реяли моторами, вылезали тяжело нагруженные машины с хлыстами. Лес... Лес... Казалось, нет ему конца!

Вот они, огромные залежи золотого золота, основного богатства Марийской республики, занимающего три четверти её территории. Мы ехали по знаменитому Ветлужско-Юшкайскому массиву, который тянется от Космодельника до Йошкар-Олинского плота.

...Поназвался Суслонгеровский леспромхоз — один из передовых лесных хозяйств республики. Там работают знатые лесорубы депутат Верховного Совета СССР Иван Иванович Пасынов и комсомолец Александр Песков.

Нас познакомили с худеньким невысоким молодым человеком в аккурратном пиджаке. Это и был лесной богатырь Песков. Его внимательные, с веселой искоркой глаза смотрели прямо, говорил он быстро и как бы на лету подхватывал мысль собеседника. Иван Иванович Пасынов работает на соседнем участке, но часто навещает своего ученика Пескова.

Суслонгеровский леспромхоз, как и всё лесное хозяйство в республике, полностью механизирован. Электронапилы, трапециевые тракторы, погрузочные элеваторы, транспортеры — все эти сильные и умные машины облегчают труд лесоруба и подняли его производительность.

По Ветлуге, Рутке и другим марийским рекам весь добываемый лес идёт в Болго, где мощные плотновальные машины собирают его в плоты, после чего он уходит вниз, «по большой реке».

Огромный плот, на котором, кажется, разместились бы целое село, медленно следует на буксире. Чуть дальше видны плоты поменьше. Они тянутся вдоль реки, растнувшись длинной вереницей. Отлущительным фальшом гудят маленькие буксирсы, им вторят низкие голоса встречных пароходов, слышатся звуки гармоны, песни сплавщиков и громкая команда, поданная в рупор.

Миллионы кубометров древесины даёт Марийская республика ежегодно, её лес идёт на великие стройки коммунизма.

Знатный лесоруб комсомолец Александр Песков в совершенстве овладевает высокоскоростной электронапилой. Он организовал молодёжную поточную бригаду, которая работает по методу лесоруба Ивана Пасынова.

Лес идёт...

Иван Пасынов и его ученик Александр Песков.



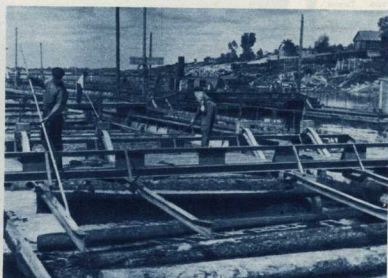
Лесопогрузочная машина — элеватор райучастков Суслонгеровского леспромхоза — четыре человека.



Волга живёт кипучей жизнью...



ет на одном из
бслуживают её



Весь добытый лес идёт к Волге, где мощные плотовальные
машины собирают его в плоты. На снимке: момент
сбора бревен плотовальной машиной.



43 тысяч кубометров леса в этом гигантском плоту! 4 ты-
сячи вагонов понадобилось бы для перевозки этой древе-
сины по суше.

НА ВСТРЕЧУ ФЕСТИВАЛЮ

Фестиваль! У кого из молодых людей это слово не вызывает радости и колыхания? Кто не помнит с каким огромным успехом прошли два предыдущих фестиваля молодежи — в Праге летом 1947 года и в Будапеште в августе 1949 года! Молодежь многих стран смотрела замечательный цветной фильм «Юность мира», в котором рассказывалось о фестивале в Будапеште, фильму, удостоенному Международной премии мира.

Успех фестивалей молодежи объясняется тем, что они были посвящены делу дальнейшего укрепления дружбы между молодежью всех стран и наций, делу сплочения молодых борцов за мир. С такой же благодарной и ясной целью организуются и третий фестиваль молодежи. Он проводится по инициативе Всемирной федерации демократической молодежи и Международного союза студентов — двух подлинно демократических молодежных организаций.

Фестиваль будет проведен в Берлине с 5 по 19 августа. Если в Будапештском фестивале приняло участие 70 тысяч юношей и девушек из 84 стран, то в Берлинском будет более 2 миллионов участников!

В Берлине съедутся представители молодежи всех стран и наций, различных политических и религиозных убеждений. Здесь будут молодые социалисты и либералы, коммунисты и беспартийные, католики и протестанты, будут рабочие и крестьяне, учащиеся и служащие, спортсмены и деятели науки и культуры.

Подготовка к фестивалю приобрела грандиозный размах. «Вперед, к III Всемирному фестивалю молодежи и студентов в защиту мира!» — под таким лозунгом выступают сегодня юноши и девушки всех стран.

С особым воодушевлением готовятся к встрече юных борцов за мир молодежь Берлина. В городе строятся новые стадионы, спортивные базы, водные станции, летние театры, разбиваются новые парки. Молодежь Германской демократической республики берет на себя обязательства прийти к фестивалю с новыми успехами в труде и в учебе. Энергично готовятся к фестивалю и молодежь Западной Германии. Более четырех тысяч молодых рабочих, служащих, студентов, крестьян еще в начале этого года собрались в Эссене, чтобы обсудить вопрос об участии в предстоящем фестивале. Решено послать на фестиваль свыше ста тысяч юношей и девушек.

Французская молодежь направит на Берлинский фестиваль 4 тысячи своих представителей. Из Финляндии придут 500 делегатов.

Многочисленная делегация прибывает из Индии. В состав делегации войдут молодые исполнители народных песен и танцев, а также балетные группы из Бомбея и Калькутты. Для того, чтобы собрать деньги на поездку, индийская молодежь устраивает ряд выступлений молодых актеров в городах и провинциальных странах.

Чехословацкая молодежь, готовая к международному празднику, обьявила конкурс художественной самодеятельности, в котором принимают участие 250 тысяч юношей и девушек. Лучшие исполнители покажут свое искусство в Берлине.

Из Англии придут спортсмены, танцоры, музыканты. В Новой Зеландии и Австралии активно помогают молодежи готовиться к фестивалю профсоюзные, женские и другие общественные организации. В Исландии широкую кампанию популяризации фестиваля проводит Федерация социалистической молодежи.

Усиленная подготовка к всемирному молодежному слету ведется и в Союединенных Штатах Америки. Молодежная газета «Грик армизен» приобщила к своему изданию статью, призывала юных борцов за мир: «Не показывайте своих сил для популяризации фестиваля и обеспечьте наше участие в нем вместе со всеми молодыми сторонниками мира!».

«Дом молодежи мира» в Берлине. Здесь помещается штаб-квартира Третьего Всемирного фестиваля молодежи и студентов в защиту мира.



Скоро закончится облицовка высотного здания на Смоленской площади в Москве.

Высотники

Когда войдешь на территорию строительной площадки высотного здания на Смоленской площади, прежде всего бросаешь в глаза белые керамические блоки, приготовленные для облицовки.

Облицовка — новое в нашем строительстве. Для ведения облицовочных работ на высотных зданиях нужно было создавать новую строительную профессию — укладчиков керамических блоков. Из Динбасса пригласили в Москву шамочичнов — мастеров кладки шамота на металлургических заводах.

Алексей Кузнецов, который раньше занимался облицовкой маршевых и домовых печей в Динбассе, в Берлине, в Сибири, был первым руководителем школы укладчиков керамических блоков. Укладчиков и облицовщиков под его руководством изучали технику керамической облицовки, учились аккуратности и тщательности приговору. Сначала была установлена норма укладки за смену 1,8 квадратных метров, затем лучшие облицовщики стали укладывать за смену 2, 4, 7, 10, 12 квадратных метров.

Среди первых облицовщиков был и комсомолец Иван Самойлов. Он окончил школу ФЗО и работал наемником на одной из строек под Ленинском. Узнав о том, что в Москве начаты работы по сооружению 28-этажного здания, он вместе со своими друзьями Лыновым и Доросовым послал телеграмму министру с просьбой послать их на высотную стройку. Через несколько дней их вызвали в столицу.

Иван Самойлов читал литературу о новейших методах облицовочных работ, изучал чертежи, конструкции, проходил специальные тренировки по скоростной кладке керамических блоков. Вскоре он и его друзья стали выполнять по двести три нормы в день. Овладев приемами стальной работы, Самойлов взял шефство еще над 14 строителями и стал обучать их искусству скоростной облицовки. Ученики Самойлова добились выдающихся

успехов, облицовав за день 238 квадратных метров площади.

Этот почин Ивана Самойлова стал известен всему коллективу строителей. Рабочие выдвинули Самойлова депутатом Московского городского совета. Тогда в зимние денарибские дни, встав на стальной высоте, Иван Самойлов достиг невиданной производительности труда, выполнив сменное задание почти на 100 процентов: он уложил вместо 3 квадратных метров по норме 32 квадратных метра. Эту победу он одержал благодаря тому, что подобрал и разложил керамические блоки строго по размерам.

На другой день молодой облицовщик Юрий Иванов на очень сложной кладке посял 26-го этажа уложил 13 квадратных метров, выполнив больше четырех норм, а через два дня комсомолец тов. Титов уложил 34 квадратных метра блоков. Друг Ивана Самойлова комсомолец Иван Лынов вскоре перерыл и этот рекорд, уложив за смену 40 квадратных метров.

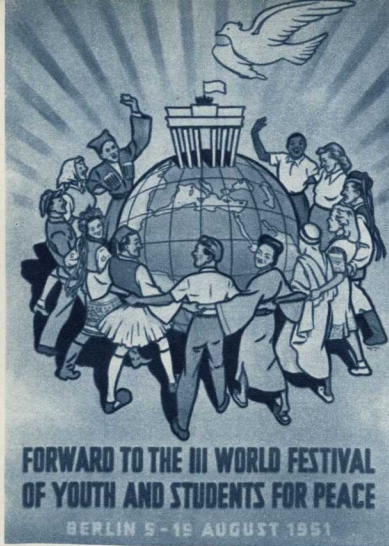
Способом скоростной работы заинтересовались не только облицовщики, но и укладчики внутренних стен, каменишки, электромонтажники, сварщики.

Принципиально новое в скоростной облицовке заключается в том, что мастер избавлен от второстепенных операций, а за счет его основную операцию он производит быстрее в десять и более раз. По-операционное расчленение труда позволяет помощникам — мастерам, механизированным или вовсе немеханизированным рабочим быстро переимать приемы и навыки руководителя зрениа.

Иван Самойлов вызван на соревнования облицовщиков строительства Московского государственного университета на Ленинских горах.

Первым откликнулся на призыв облицовщик Сергей Соловьевич. Начато по повелению Ивана Самойлова творческое сотрудничество между облицовочниками двух замечательных высотных строок столицы — растет и крепнет с каждым днем.

Инженер И. МАЧЕРЕТ



«Вперёд, к Третьему Всемирному фестивалю молодёжи и студентов в защиту мира! Берлин, 5-19 августа 1951 года».
Плакаты, изданные Подготовительным комитетом фестиваля.

Тысячу человек предполагает послать в Берлин молодёжь Дании. Молодёжь Норвегии направит на фестиваль оркестр из 70 музыкантов, коллектив исполнителей народных танцев, футбольную команду и 500 пловцов.

Молодёжь и студенты Эквадора создали Объединённый подготовительный комитет, в котором представлены социалистическая, либеральная, коммунистическая молодёжь. В составе делегации, посылаемой на фестиваль, будет баскетбольная команда, являющаяся чемпионом стран Латинской Америки.

С большим воодушевлением готовятся к поездке в Берлин молодёжь демократического Китая. Почти во всех городах страны созданы подготовительные комитеты. Для участия в фестивале отбираются лучшие спортсмены республик, готовится разнообразная художественная программа.

Вместе со всей демократической молодёжью мира к фестивалю деятельно готовится советская молодёжь. В Берлин поедет большая группа советских спортсменов, молодых мастеров искусств, участников художественной самодеятельности. Среди них будут представители всех 16 братских Советских Союзных республик.



Члены Союза свободной немецкой молодёжи в западной Берлине собирают подписи в защиту мира.

ХРИСТО БОТЕВ

Великий поэт-борец Христо Ботев жил и писал в то время, когда его родина Болгария отчаянно сопротивлялась насильно турецким захватчикам.

В своих стихах болгарский поэт-революционер воспевал борьбу за народную свободу, клеймил предателей родины.

Христо Ботев погиб 75 лет назад, 1 июня 1876 года.

Публикуем стихотворение Христо Ботева «Хаджи Димитр».



Христо Ботев.

Хаджи Димитр

Жив ещё, жив он! Там, на Балканах,
лежит и стонет в крови горящей
юнак отважный в глубоких ранах,
в расцвете силы юнак могучий.

Обламок сабли он бросил вправо,
отбросил влево мундир свой грубый.
В очах клубится туман кровавый,
мир проклинают сухие губы.

Лежит отважный. В выси небесной
исходит зноем круг солнца ясный.
Жизнь по полю проходит с песней.
Сильнее кровью сочатся раны.

В разгаре жатва... Пойте, рабыни,
напев неволи! Встань, солнце, выше
над краем работы! И пусть он сгинет,
юнак сражённый!.. Но, сердце, тише!

Кто в грозной битве пал за свободу, —
не умирает по нём рыдают
земля и небо, зверь и природа,
и люди песни о нём слагают...

Днём осеняет крылом орлица,
воак ночью кротко зажжёт рынки;
и сплунит смело — сокола-птица —
о нём печётся, как брат названный.

Настанет вечер — при лунном свете
уснут завёды весь свод небесный.
В дубравах тёмных повет ветер —
гремят Балканы хайдуцкой песней!

И самодивы¹ в одеждах белых,
светлы, прекрасны, встанут из мрака,
по мягким травам подходит смею,
сядятся с песней вокруг юнака.

Травую раны одна врачует,
водой студёной кропит другая,
а третья в губы его цаплет
с улыбкой милой — сестра родная.

Скажи, сестрица, где Караджата²,
найди, сестрица, мою дружину.
Душа юнака — моя распалась, —
пусть, бездыханный, я здесь остыну.

Сплави объявля, всплеснув руками,
взметнулся с песней, легки, крылаты, —
поют, летая под облаками,
до свету ищут дух Караджаты...

Но ночь уходит... И на Балканах
лежит отважный, кровь бьёт потоком, —
воак наклонился и лижет раны,
а солнце с неба палит жестоко.

Перевёл с болгарского
А. СУРКОВ

¹ Самодивы — горные феи.

² Караджата — повстанец, боевой друг Хаджи Димитра.



В. Савеннов,
выпускник Харьковского художественного института

«Советские танки в Берлине».



Ю. Чаленко,
студент IV курса.

«Родина моя».



А. Сафаргалиев,
студент IV курса.

«Каникулы».

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

Многим харьковчанам известно темнокрасное кирпичное здание с красивым сводачатым порталом у входа, расположенное на Краснознаменной улице. Это Харьковский государственный художественный институт. В его большом зале, в который вы попадете, поднявшись по лестнице, выставлены лучшие новые работы студентов-художников — живописцев, графиков, скульпторов, плакатистов. Нередко нам здесь с гордостью покажут репродукции с картин уже известных в стране художников:

— Это бывшие наши выпускники, их картины экспонировались на Бескурганской художественной выставке. Сейчас они помещены в Киевском музее.

Студенты вместе с дипломниками и выпускниками института ежегодно участвуют на профессиональных художественных выставках крупнейших городов страны. Были организованы две тематические выставки, посвященные XI съезду ВЛКСМ и седьмой годовщине освобождения Харькова от немецко-фашистских захватчиков.

Студент-дипломник В. Потаповцев в своей картине «Атака отбита» перелает один из эпизодов обороны Одессы. Художнику удалось создать правдивые образы советских воинов, передать их высокие моральные качества, их скромность и героизм. Не менее интересна работа С. Парчевского «Стоять на смерть!». Но самой значительной, интересной и многообразной темой, выходящей из молодых художников, является тема мирного, созидательного труда, любви к своей великой Родине.

Много мыслей и чувств вызывает у зрителя картина студента IV курса Ю. Чаленко «Родина моя». Сколько в ней широты, воздуха, света! Хорошо передано веселое оживление школьников на лыжной прогулке в картине студента IV курса А. Сафаргалиева «Каникулы».

Теме содружества великих русского и китайского народов в борьбе за мир во всем мире посвящено большое полотно «Во имя мира» бригады выпускников института — В. Вихитянского, Б. Жукова, Е. Левина, Л. Чернова и Л. Шматко. Эта картина экспонируется в залах Третьяковской галереи в Москве на Всесоюзной художественной выставке 1950 года. Простота и торжественность композиции, лаконичность и выразительность художественного языка раскрывают значимость исторического момента.

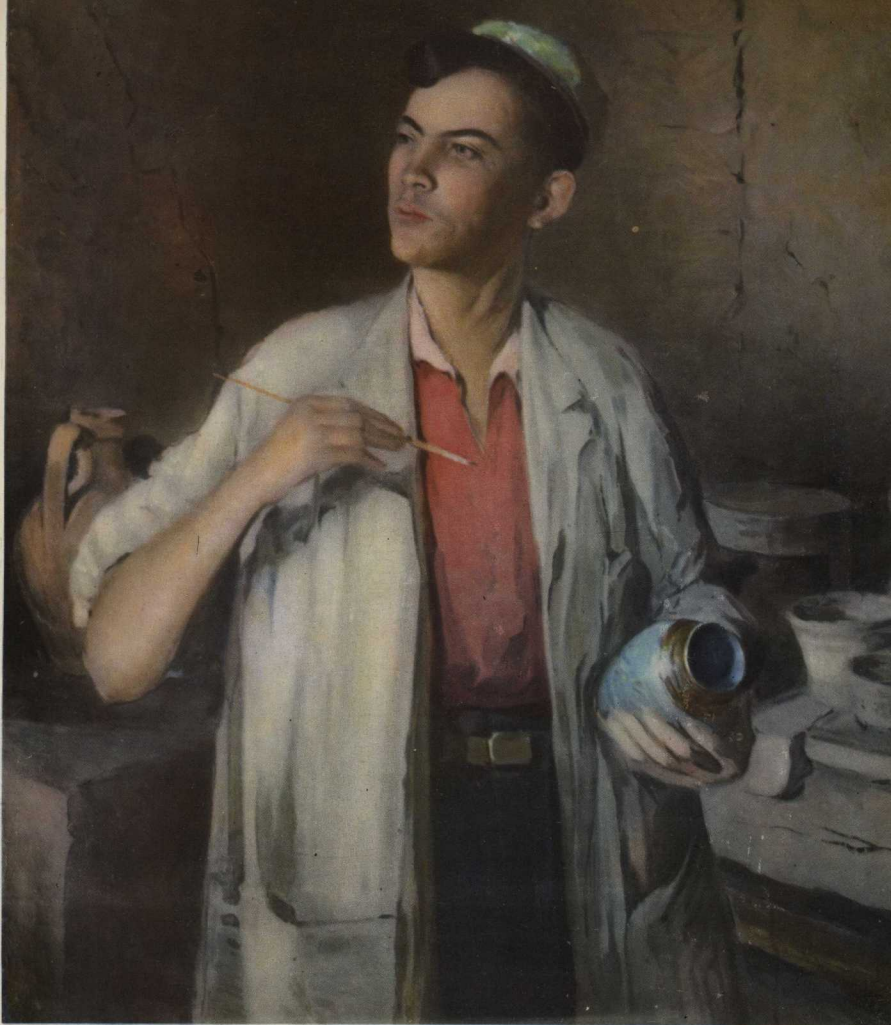
Творческое содружество художников, скульпторов всё чаще и чаще приносит свои плоды. Сейчас другая бригада молодых художников в составе М. Шапошникова, Е. Гогорова и В. Склизкова завершает работу над монументальной картиной, посвященной И. В. Сталину.

Недавно, празднуя тридцатилетие своего института, студенты с гордостью говорили о роли, которую он играет в их жизни, гордились о том, что даёт им общение с мастерами живописи, с преподавателями и профессорами...

— Только прекрасными полотнами, ярко и образно отражающими наше чудесное время, сможем мы отблагодарить партию и правительство, создавших для нашей учёбы и работы все условия... — говорят студенты.

В темнокрасном кирпичном здании Художественного института на Краснознаменной улице изо дня в день упорно и неустойно повышается своё мастерство талантливая молодежь Харькова. Перед ней — всё многообразие и глубина нашей советской жизни, неисчерпаемый источник вдохновения и радостного труда...

М. ШАПОШНИКОВ



Н. Линьков

Молодой керамист.
Всесоюзная художественная выставка 1950 года.



Во Дворце культуры автозавода имени И. В. Сталина.

Фото В. Гребнева

СВЯЗНАЯ ЦЗИНЬ ФЫН

Окончание. См. «Смену» №№ 6, 7, 8, 9 и 10.

Крик испуга вырвался у Ма: застыть её правой руки, держащей пистолет, до боли сжато чьими-то сильными пальцами. За её спиной стояла любезно улыбающаяся «Ада».

«Вот и всё», — подумала Ма. — Вот и всё». А Мей спокойно спросила, обращаясь к Баркли: — Падать? Минут вам достаточно, чтобы переодеться к ужину? Не ожидая ответа, она отворила дверь кухни и жестом пригласила туда Ма. Та послушно вышла и появилась фарфуром. Она уже не слышала, как за её спиной затворилась дверь, как Мей и Баркли вышли из столовой.

Через несколько минут в комнате задребезжал телефонный звонок. Ма не слышала его. В столовую вошёл Биб:

— Алло... Да, слушаю... Это я, Биб, сэр. Краска сбежала с лица Биба по мере того, как он слушал. Потом выражение растерянности сменилось у него откровенным испугом, рот его полуоткрылся, и растопырились толстые пальцы свободной руки. Никто же мог слышать того, что слышал агент: «...Почему вы молчите, вы, idiot? Повторяю вам: Ада перехвачена красной парашютной кой, спустившейся, чтобы руководить похищением генерала. В трупе, найденном в овраге, опознали Аду».

— Но позвольте, Биб, — решился прошептать Биб, — эта osoba явилась сюда от вас...

«Эта диверсантка, её нужно схватить, немедленно схватить!» — кричала мембрана. — Что же вы молчите?.. О боже, вы сведёте меня к ума!.. Эй вы! Сейчас же арестуйте её!.. Я выезжаю сам...»

Биб, не дослушав, опрометно бросился к механизму, приводящему в действие стальные шторы, так как услышал тревожный звонок; несомненно, что-то пытается позвать шит двери. Божья в холл, Биб увидел, как двое скользящих в щель между полом и шторами. Одного из них Биб сразу узнал — это был У Вей; вторая была женщина. Биб не разобрал, кто она, только с уверенностью мог сказать, что это не Ада. Всё остальное по сравнению со страхом упустить диверсанта казалось ему таким малозначительным, что он не стал раздумывать над этим случаем и поспешил повернуть рукоятку механизма. Стальные щиты со стуком стали на места.

Дверь столовой порывисто распахнулась, и вошла окаянная, улыбающаяся Мей.

— Сегодня вечер сюрпризов, — сказала Мей. — Сейчас произойдёт нечто...

— О, да! — перебил её Биб. — Сейчас я преподнесу вам такой сюрприз, какого вы не ожидаете.

— Вот как? У вас для меня тоже кое-что есть?

— Кое-что!.. Мей пикорозово обдумывая, что следует сделать. Без участия Карола он не решился приступить к делу: разве мог он один арестовать эту страшную женщину?

Агент незаметно пятился. Ему оставалось до двери всего несколько шагов, когда в комнату вошла Ма.

— Ужин то... — при виде лица Биба слова замерли у неё на губах. Он встретил её торжественным вопросом:

— У вас есть оружие?

— Нет. То, что произошло дальше, перевернуло всё её представление о происхождении. Биб шагнул к ней и протянул пистолет:

— Вот... Держите! — под дулом пистолета, — он указал на Мей, — не спускайте с неё глаз, при первом движении стреляйте, стреляйте без колебаний!

Удильное помешало Ма что-нибудь ответить.

— Я сейчас же вернусь, — бросил Биб и исчез за дверью.

Ма понимала одно: под дулом её пистолета стоит провокатор; Биб, как и Баркли, ещё ничего не знает о ней самой, о Марии-Ма. Если она убьёт сейчас Аду, то никто ничего и не узнает.

Если бы не необычайное спокойствие Мей и прямой взгляд, устремлённый на Ма, та, наверно, спустилась бы курок. Но выдержала Мей сыла Ма с толку.

В комнату вошли горничные. Негромко, но так, что все могли слышать, Мей произнесла:

— Светлая жизнь вернётся, мы сумеем её завоевать, не правда ли? Она улыбнулась при виде растерянности, которую не в силах были скрыть девушки.

— Не верьте ей, она агент врагов! — крикнула Ма.

— Если бы это было так, вы уже были бы в наручниках, — невозмутимо сказала Мей. Обратившись к девушкам, она приказала: — Оставайтесь здесь. С минуты на минуту должны спуститься «высшие гости». На каждую из вас по агенту — это вам по силам. Нам с У Дэ остаётся генерал. «Гости» должны быть взяты живыми, а с теми мюжете не церемониться.

У Дэ молча готовила верёвку.

Баркли, с недовольством выслушав злышавшиеся, бледного Биба, направились к комнате Янь Шин-фана. Без предупреждения толкнули он дверь ногою, но тут же убедились, что комната пуста.

— Он, наверно, у этой маленькой китайки Стеллы, сэр! — крикнула Кароль и ударила в дверь комнаты Сюю, но дверь оказалась запертой. Агенты забарабанили в неё кулаками. За дверью царило молчание.

— Вышибайте! — крикнула Баркли.

Агенты навалились на дверь, и через минуту все трое были в комнате. Перед ними, развалился в кресле, спал Янь Шин-фана. Шум не нарушил безмятежного сна китайца: века его оставались спущенными, руки спокойно лежали на подлокотниках. Баркли потряс его, и голова китайца безжизненно свалилась на плечо.

Баркли бросился к лестнице и, прыгая сверху через три ступеньки, бежал в столовую. Прямо напротив него стояла Мей.

— Товарищи, ко мне! — крикнула она.

Девушки бежали с пистолетами наготове и сразу направили их на агентов. Те покорно подняли руки. Баркли же выстрелил в Мей. Брошенная вперёд Го Лин прикрыла её своим телом и упала, раненная в грудь. В следующее мгновение метко пуленной рукою Мей тарелка попала Баркли в голову. Он выронил оружие и через минуту лежал связаный.

27 апреля 1949 года пресс-атташе посольства Соединённых Штатов Америки при правительстве Чан Кай-ши на специальном самолёте прибыл в резиденцию примаса римско-католической церкви в Китае Фомы Тьена и потребовал свидания с кардиналом для секретной беседы. В заключение беседы, проходившей в личном кабинете кардинала, пресс-атташе вручил Тьену составленный американскими властями проект его, Тьены, кардинальского послания папе. В проекте среди других упоминал Народно-освободительной армии и Коммунистической партии Китая в действиях, направленных против католической церкви, её прав и её имущества в Китае, говорилось следующее:

«...Помирая все законы цивилизации, презирая права и нужды китайского народа, в богохульственном забвении святости дома христианства, разбойники, именуемые себя партизанами, предали огню и поруганию святой храм миссии блаженного Игнатия, в мерзостном устремлении расхищать прекрасные дары американского народа, заключившиеся в медальончиках и противоэпидемических вакцинах, доставленных благородным американским народом его брату — китайскому народу. Миссионеры-американцы, широко известные своей верноподданности делу распространения веры христовой и праведности жизни, братья Биб и Кароль, самозабвенно защищавшие от злодеев доступ в храм для предателей, святым и погрозные злыми рабами, уведены в плен. Судьба их неизвестна, как и судьба мученического и благородного павшего веры и чести генерала Баркли, который, не щадя сил своих и презирая опасность, лично доставил в миссию транспорт с указанными прекрасными дарами Америки. Ежедневно возмесь осаждающему мысленно об их спасении, я смиренно испрашиваю апостольское благословление вашего святительства этим невинным страдальцем. Да пребудет ваше папское благословление с ними вечно, и да оградит оно сих честных мужей от зла и напасти. И ещё смиренно испрашиваю вашего указания о предании проклятию с амона отерженных разбойников и безбожных возмутителей, посягнувших на святыню господню: да исполнит им судья праведный кару жесточайшую в жизни земной и муки вечные...»

Всё это было совершенно неожиданно для кардинала Фомы Тьены, но, ознакомившись с текстом, он заявил:

— Прошу вас, господам атташе, передать мою сердечную признательность господству и его штату за любезную помощь. Послание составлено прекрасно, и, разумеется, я приму его за основу своего донесения святому отцу.

При этих словах кардинал выдвинул ящик письменного стола, намереваясь положить туда проект, но американец остановил его:

— Нет, ваше замечание, — заявил он, — попросу вас теперь же подписать текст и вернуть его мне для отправки по назначению.

Тьен молча взял перо и подписал бумагу. Он с обижённым видом едва кивнул головой в ответ на прощальные слова американца и в нарушение всех правил вежливости даже не дал ему обычного благословения. Кардинал сердился на то, что ему не дали возможности стилистически отделить послание, выглядевшее гораздо суше, чем того требовал китайский этикет.

Крест на церкви святого Игнатия действительно перестал сиять своим доисторическим почерком от копоти болоснежные стены храма, сложенные ещё испанскими монахами, пришедшими в Китай несколько столетий тому назад; мёртвыми глазами смотрели на мир окна, опутанные переплетами чужеземных решёток. Но как же это случилось?

Цирюль партизанской операции подполковник Сю Фын-ин, нравшей трудную роль секретарши Янь Шин-фана, после того, как она приняла в миссию этого чанкайшистского сатрапа, следовало тисляю выскользнуть в сад и открыть ворота «кортам», подождав их огороде миссии. Но неожиданный приезд япоцев вынудил У Взя сопроводить

* Форма обращения к кардиналам.

Сао Фын-ин, когда она под посом Биба ускользнула под бронированную дверь.

Вынувшие в сад партизаны в несколько минут бесшумно сняли японских часовых у церкви, и У Вэй отомучил её запасным ключом. Партизаны принялись выносить из церкви ящики с американским препаратом чумы и складывали их на лужайке за церковью, чтобы сжечь. Но японцы, расположившиеся в службах миссии, услышали шум, обнаружили партизан и бросились к церкви. Завязалась перестрелка, в которой большая часть японцев была перебита; лишь одному из них удалось подползти к дверям церкви — он явно намеревался разбить ящики и тем совершить непорочное. Однако увидев, что добраться до ящиков ему не удастся, японец метнул в них гранату. Она не достигла ящиков, а взорвалась около биллонов со спиртом. Пламя неудержимым столбом взвилось к потолку церкви, и через несколько минут тесная в огне келья, золотые доски ящиков, аспальтовое сухое дерево сжамкем. В потоках раскалённого воздуха кверху взлетали порывалы, занавеси, облачения. Партизаны, бросившие было тушить пожар, разбежались, увидев, как разваливаются ящики со смертоносным американским грузом. Руководивший действиями партизан командир приказал поскорее покинуть и ту часть страшного груза, которую успели вынести из церкви до пожара.

Закончив своё дело, партизаны исчезли. С ними ушла и Сао Фын-ин. В саду остались один У Вэй. Он продолжал наблюдать за пожаром, пока на ворота не посыпались удары примчавшихся из города гоминдановских солдат и полиции. Тогда исчез и У Вэй.

Хоти крест на церкви святого Игнатия больше и не горел золотом и сама церковь вместо безоблачной стояла, словно замаскированная тёмными разводами, усадебная миссия служила прекрасным ориентиром большому самолёту, летевшему курсом на Тайвань. Сделав круг над миссией, самолёт стал снижаться с очевидным намерением найти посадку на большом поле, простиравшемся между миссией и близкими подступами к городу.

Передняя госпиталь, оборудованного в доме миссии, в беспорядке высылала на крыльцо: приближение большого самолёта американской системы не сулило ничего хорошего. Вся хворьбость отряда «Красные коты», несшего охрану госпиталя, едва ли могла помочь в таком деле, как воздушное нападение. Но крик общего удивления и радости раздавался сав на крыльях самолёта: виднелись опознавательные знаки Народно-освободительной армии. Общее возмущение достигло предела, когда со створов своего самолёта к госпитали приближалась группа людей, во главе которой все узнали генерала Пин Дэ-хуай.

Стоявший на костылях высокий пожилой шаншань, с рязым лицом и с выглядывавшей из ворота худой шеи, похояк на потемневшем от огня полево, увидев Пин Дэ-хуай, поднял руку и хриплым голосом закричал:

— Вставай,
Кто рабства больше не хочет...

Все вокруг него умолкли и слушали с таким вниманием, словно шаншань — начальник разведки «Красных котов» — вел молитву. Но вот Пин Дэ-хуай остановился и, сняв шапку, подхватил песню.

Когда затекло пение гимна, к Пин Дэ-хуай подошёл командир отряда «Красные коты» и отдал рапорт, как полагалось по уставу Народно-освободительной армии. Пин Дэ-хуай не мог отказать генералу положенного приветствия, так как его правая рука всё ещё висела на перевязи. Но Пин Дэ-хуай взял его левую руку и, крепко пожав, сказал:

— Собирайте ваш отряд, командир.

Сиемо заметить: он расположен в охране этого госпиталя, товарищ генерал.

— Отбросьте заботы, командир: мы спокойно соберём солдат: враг разбит, ничто не угрожает нам больше со стороны Тайюани.

— Хорошо.

И командир пошёл исполнять приказание, а к Пин Дэ-хуай приближались адъютанты, докладывавшие ему что-то на ухо. Пин Дэ-хуай ответил: «Очень хорошо!» — сказал генералу и повернулся к капитановой адъе, по которой двигалась группа женщин, предводительствуемых Мей. В середине группы, возмывшая над всем измятым блином генеральской буражки, шла Баркли.

И очень виновато, потупясь, сказала Мей: — Преступник Ян Ши-фан не может быть нам представителем: он умер.

— Как вы полагаете: отравился или отравил?

— В том и другом случае виновата я.

— Но ведь у вас, говорят, есть другой планник.

— Если позволите, я передам вам американского генерала Баркли. Он не только не виноват, но и не имеет никакого отношения к Ян Ши-фану. — Один преступник вместо другого. Грузите его в самолёт.

— Позвольте мне, товарищ генерал, представить вам товарищину Ма Ню, У Дэ, Го Лин, Тян Кэ.

— Кто из них был вынужден играть роль секретаря Ян Ши-фана? — спросил генерал.

— С сожалением, — ответила Мей, — Сао Фын-ин пропала без вести вместе с товарищем У Взем. Мы не знаем их судьбы.

— Если они пали, — сказал Пин Дэ-хуай, — то пусть народ сохранит вешую память о храбрости... А вас, товарищи, прошу в самолёт. Вы заслужили отдых, прежде чем получить новое задание, если вы встретитесь на доброту. Товарищ Сан Тин будет вашим проводником в моём штабе.

Мей задержалась около генерала:

— Командир Ляо Кэ, — сказала она, — приказал мне, выполнив специальную задачу в Тайюани, вернуться в полк.

— Благодарю вас за прекрасное выполнение этой трудной задачи. Вы совершили то, чего, к сожалению, не могли сделать эти смелые

женщины: сойти за своих в американской военной миссии. Для этого нужен был талант человека, как вы, побывавший за океаном. К тому же вы при — это было очень важно, имея в виду материал, с которым пришлось иметь дело. Мы благодарим вас, доктор Мей Хун, за мужество и находчивость, вы настоящая дочь Китая.

— Ваши прекрасные слова — высокая награда для меня. Разрешите мне теперь вернуться в полк?

— Раз так вы приказ Ляо Кэ, — ответил Пин Дэ-хуай. — Но я бы предпочёл, чтобы вы отправились со мною: нужно доложить правительству всё, что вы тут узнали о попытке американцев применить средства бактериологической войны в нашем тылу. Мы вас не задержим, вы скоро вернётесь в родной полк.

Она улыбнулась:

— Очень приятно сказали: полк стал мне родным. А что касается американской диверсии, то я составила о случившемся протокол, подписанный Баркли...

— О, это хорошо! — удовлетворённо воскликнул Пин Дэ-хуай.

Через несколько минут маленький женский отряд, попрережком предводительствуемый Мей, подошёл к самолёту.

Пин Дэ-хуай только что хотел было отойти, поднятого над одним из моторов, и вытирал испачканные маслом руки, когда взгляд его упал на приближающихся женщин. Он узнал Мей и крикнул лётчику:

— Алло, Чэн, смотри, кто идёт!

Лётчик выглянул из своего фонаря и несколько мгновений растерянно поглядывал, словно к нему прибавилось привидение. Потом голова его исчезла, затрещали ступеньки доравеловой стремянки, и Чэн побежал навстречу Мей.

А тем временем оставшийся у дома миссии Пин Дэ-хуай спросил врача Цяо Цяо:

— Как здоровье маленькой свиной Цинь Фын?

— Как здоровье, — хотел бы сказать доктор, но должна доложить то, что есть: если Цинь Фын не умерла уже несколько дней тому назад, то этим она обязана только доктору Ли Хай-дэ. Жизнь теплится в ней, как крошечный язычок пламени в лампе, где давно уже не осталось масла...

При этих словах две слезинки повисли на ресницах мужественной женщины, прошедшей трудную боевую жизнь среди партизан.

Трудно предположить, что генерал Пин Дэ-хуай, человек острого глаза и пристального внимания, не заметил этих слезинок, но он сделал вид, будто не видит их:

— Если вы не возражаете, я хотел бы повидать свиную Цинь Фын. Цяо Цяо молча повернулась и пошла в дом. За нею последовала было и Цинь Фын, но командир отряда «Красные коты» остановился к нему:

— Если вы позволите, товарищ генерал... Нам, которые были ещё боевыми друзьями, хотелось бы увидеть Цинь Фын.

— Хорошо, — ответил Пин Дэ-хуай.

При этих его словах дрогнула весь строй стоявшего в прямых шеренгах полка.

Госпитальники встали в испуге сказали:

— Нет, нет! Несколько человек, не больше!

Взгляд командира быстро пробежал по лицам товарищину. Он назвал имена начальника штаба, радиста и молодого бойца, который нес Цинь Фын по ползному ходу. Ему он сказал:

— Возьмите звание полка.

Боец склонил короткое древко знамени, и оно свободно прошло в дверь.

Последним в дом вошёл, стуча костылями, бывший шаншаньский мельник — начальник разведки полка.

— Строй полка стоит неподвижно. Солдаты молчали. Минуты были томительно долго. Всем казалось, что их прошло уже очень много, когда на ступеньках дома появились всадники. Их держали командир полка, начальник штаба, радист и молодой боец. С носилок свисали края полотнища знамени.

Когда носилки опустили на землю, все увидели, что мягкие складки знамени облегают маленькое тело связанной Цинь Фын. Пин Дэ-хуай снял шапку.

— Товарищи солдаты и товарищи офицеры! Наш славный отряд становится частью регулярной армии Китая. Народно-освободительная армия совершила подвиг, беспрецедентный в нашей истории: сломив жестокое сопротивление врага, она с боем форсировала великую Янцзы и вышла в южный Китай. Гоминдановцы и их гнусные хозева — американцы навсегда изгнаны из Нанкина, Шиняня, Ханьчжоу, Ханьчжоу. Армия свободы имеет теперь перед собой величайшее дело: двигаться на юг. Наш полк — теперь много миллионов — воинов регулярной армии, за спиной которой стоит весь народ Китая. Наша борьба ещё не закончена. Но уже сейчас мы говорим с полной уверенностью: наша нация никогда больше не будет поработничать. Мы уже расправили плечи, мы встали на ноги и никогда больше не опустимся на колени.

— Все встали, как один человек, ответил коротким «никогда». Проминисное слово шепотом каждому солдату слово, как порыв ветра, пронёслось над полем. А генерал продолжал:

— Нам поддерживают все прогрессивные силы мира, нас поддерживает великий советский народ, нам помогает своей мудростью коммунистическое правительство Китая, отец и друг — Сталин. Яю на пути, указанном Лениным и Сталиным, председатель Мао ведёт нас к верной и близкой победе. Скоро мы выйдем на мировую арену как нация, обладающая высокой культурой и несокрушимым могуществом. Пусть, оставшись до окончательной победы, ваш полк пройдёт как ударная часть Народно-освободительной армии Китая. Я поздравляю вас с включением в состав первой полковой Народно-освободительной армии, высокая радость командования которой дама мне народом...

Клики восторга покрыли его слова. Солдаты надевали шапки на штыки винтовок и размахивали ими.

Славные сыны народа — коммунистический генерал, когда утих гуд — Герои — ползённые — Гидеи — Отныне присваиваю нам право именовать «полком Красных котов имени связанной Цинь Фын».



Академик Константин Михайлович Быков.

УЧЁНЫЕ — ЧИТАТЕЛЯМ «СМЕНИ»

МЕХАНИЗМ ПИТАНИЯ

Беседа с академиком К. М. Быковым

В беседе с нашим сотрудником Константин Михайлович Быков рассказывал:

— В последние годы мы много занимаемся изучением механизмов обмена и питания организмов. Старые представления об этих процессах были во многом неверны. В частности, они не признавали за корой больших полушарий мозга контролирующей роли. С точки зрения прежних представлений, очень многое не поддавалось объяснению.

В физиологии широко известен такой факт: если собаку накормить мясом, у неё соответственно повысится обмен — усилится поглощение кислорода и выделение углекислоты. Однако тот же кусок мяса, съеденный не сразу, а спустя полчаса, через каждые тридцать — сорок минут, немного повысит количество поглощённого кислорода. Такую экономию в функциях организма нельзя было ничем объяснить.

У нас в лаборатории провели следующий опыт. Собаке давали выпить сахарный раствор, а затем измеряли её газообмен — потребление кислорода и выделение углекислоты. Принятая пища, естественно, повышала газообмен. Путьём этот длился шестьдесят минут. Исследуя состояние собаки в последующие дни, экспериментатор нашёл, что по мере приближения часа, когда животному обычно давали сахарный раствор, у него noticeably потребление кислорода, повышалась температура тела и учащалось дыхание, хотя бы кормление и не состоялось. Сложнейший механизм обмена веществ приходил в действие без всякой видимой причины.

Кормление сахаром сочетали с жужжанием индукционного аппарата; эту процедуру повторяли тринадцать раз. На четырёхнальный животному под жужжание аппарата вместо раствора дали выпить чистую воду. Результат был такой же, как если бы в организм вошёл сахарный раствор. И путьём газообмена и длительность его повторялись с удивительной точностью. Эта временная связь держалась до тех пор, пока её подкрепляли тем, что время от времени животному давали сахарный раствор.

Все эти опыты объясняли отношения между внутренней и внешней средой и обменом веществ в организме, но не раскрывали, что происходит в органах и тканях во время еды. Какие изменения в обмене веществ вызывает различная пища? Учитывал ли организм, какими путями и откуда эта еда поступает?

Моя сотрудница Регина Павловна Ольгинская поставила себе целью найти этому объяснение.

Подготовку собаку в продолжение нескольких дней кормили мясом и при этом регистрировали её газообмен. Как и следовало ожидать, организм животного всё более поглощал кислород и выделял углекислоту. Своего предела путьём этот достигал спустя семь часов, а спад наступал через двенадцать часов после еды.

Выяснив ответ организма на приём мясной пищи, ассистентка приступила к другой части эксперимента. Она задумала, сохранив естественные отношения между организмом, заставить организм работать на холостом ходу. В таком положении ничто постороннее не затмевало картину физиологической функции. Подобного рода опыт уже был однажды проделан. Иван Петрович Павлов перерезал пищевод у собаки и наблюдал через фистулу желудка, как отделяется желудочный сок. Пища вываливалась из отверстия на шее, а пищеварительный тракт, приведённый в действие мнимой едой, работал на холостом ходу.

Ассистентка повторила эту операцию: она перерезала собаке пищевод и сделала отверстие в желудке, сообщающееся с кожей живота. Теперь, когда животное кормили, пища не достигала желудка. Кормление было мнимое, а газообмен между тем нарастал, как если бы животное насыщалось. Потребление кислорода достигало предела спустя шесть часов и снижалось до норм через девять.

Однажды исследовательница ввела собаке мясо не через рот, а через фистулу желудка. Всё шло равно, как обычным путём пища проходила в организм. Надо было полагать, что регистрирующий аппарат запустит кривую газообмена, характерную для животного, на-

сытившегося мясом. Однако предположение не оправдалось: потребление кислорода стало нарастать не сразу, а лишь спустя пять часов. То обстоятельство, что пища проникла в желудок помимо рта, как бы устранило начальную фазу газообмена, сорвало наполювину интенсивность кислородного обмена. Побудительные силы, ускоряющие обмен веществ во время и после приёма пищи, слабо утратили своё влияние на организм. Какую бы пищу в фистулу желудка ни вводили — мясо, хлеб, молоко, — путьём газообмена неизменно запаздывал. Еда оказалась не механическим актом в общей цепи превращений веществ, как думали раньше, а в первую очередь сигналом, меняющим уровень химических изменений во всех уголках организма. Самый акт еды служит пусковым механизмом для целого ряда сложных процессов.

Ольгинская так объяснила то, что увидела, и мы согласились с ней.

Самый приём пищи, несомненно, ускоряет сгорание веществ, отсюда повышенное потребление кислорода. Надо полагать, что из полости рта в каждом отдельном случае следуют предупреждения организму: «Выделяйте азот, как вам проследовали белки»; или: «Сжигайте углеводы, готовьте место сахару». Когда пища вводилась непосредственно в желудок, сигналов этих не было, и повышенное горение начиналось с запаздыванием на несколько часов.

Ольгинская решила, что введёт в организм некоторое количество сахара и проследит, в какой мере усилятся распад его в крови.

Странная мысль! Какой толк в таком опыте? Можно заранее сказать, что после того, как сахар будет съеден, он на некоторое время задержится в крови. Первое же капиллярное подтвердит это обстоятельство.

Оказывалось, ассистентка задумала провести этот опыт не на животном, а на человеке. В таком исследовании ничего предосудительного нет. Выяснилось, однако, что у неё далеко идущие планы и серьёзные основания для размышлений. Ей пришла в голову мысль мимикой накормить испытуемого, убедиться в том, что сахар, не достигнув желудка, способен ускорить распад сахара в крови. Если бы опыт удался, можно было бы с уверенностью сказать, что с момента поступления в ткани начинаются уже тогда, когда пища находится ещё только в ротовой полости.

Но как это сделать у человека? Ассистентка проявила необыкновенную находчивость. Она дала испытуемому выпить раствор сахара — вещества, схожего с сахаром только по вкусу и к углеводам не имеющего ни малейшего отношения. Расчет был всен: если нервные окончания рта действительно способны сигнализировать о том, какая именно пища следует по пищеводу, то, будучи обмануты вкусом сахара, они приведут к выходу сахара в кровь и расстратят свои запасы. Так и случалось: организм, не поглотив ни крошки сахара, по одному лишь сигналу органов вкуса стал готовиться к приёму углеводного. Процент сахара в крови испытуемого нарастал.

Успех! Удивительный! Ольгинские, опыты по-

следовали один за другим. Раствор сахара был предложен собаке. Она лизнула его, но пить отказалась. К жежданному напиту прибавили молоко. Животное неохотно проглотило его, но в крови у него сахара не стало больше. Там, где вкус человека дал себя обмануть, анализаторы собаки оказались настроены. Животное обнаружилось совершенно, недоступное для человека.

То, что задумала ассистентка, было поразительно. Она рассудила, что если ротовая полость — исходный пункт сигнализации, то она воспользуется им для послышки сигналов различной частоты и напряжения. Путьём одиночных, долгих или повторных воздействий она понудит организм выделять ничтожные количества сахара, из которых за короткое время воспользуется им для послышки сигналов различной частоты и напряжения. Путьём одиночных, долгих или повторных воздействий она понудит организм выделять ничтожные количества сахара, из которых за короткое время воспользуется им для послышки сигналов различной частоты и напряжения.

Эта сложная задача, за которую ещё не брался ни один физиолог, был решён с помощью конфет. Испытуемый в одном случае проглатывал её, а в другом подолгу — сосал. Быстро съеденный леденец — короткий сигнал — не повышал ни уровня газообмена, ни количества сахара в крови. Если долго, однако, леденец оставался во рту и сигнализация

становилась настоящей, тем больше насыщала сахаром кровь.

Этот опыт разъяснил другое любопытное наблюдение. Давно было замечено, что люди, занимающиеся физическим трудом, охотно примешивают к своей пище сахар и с особым удовольствием подают его во время тяжелой работы. Физиологи объяснили это необходимостью пополнять запасы питания для мышц. Никому в голову не приходило, что углеводы входят лишь своим появлением в полость рта ускорить распад сахара в крови, который тут же становится источником силы.

Какова же природа этих механизмов? Вернее ли это связи или врожденные?

Олинявшая начала со смелого допущения, что между актом еды и обменом веществ издавна установилась временная связь. Вкусные ощущения, связанные с определенным питательным веществом, возникали так часто, что одно проникновение его в полость рта автоматически отражалось на обмене веществ. Если это верно, то непродукление такого рода условных рефлексов должно привести к их исчезновению. Устойчивость этих связей будет, наоборот, означать, что они врожденные.

Вот как она выполнила задуманный план.

В опытах с минимым кормлением прожванное мясо выпадало обычно из отверстия на шее собаки и до желудка не доходило. Между тем газообмен, как известно, нарастал. По окончании эксперимента прожванное мясо вводилось в фистулу желудка собаки и служило для него питанием. Что, если после опытов не вываливать в желудок это мясо, то есть не поддерживать подлинной едой предполагаемую временную связь, — будет ли у животного нарастать газообмен после многократных повторений минимого кормления?

Олинявшая так и поступила. Прожванную пищу после опытов не вводила в желудок. В первый день у минимой кормимой собаки газообмен после еды держался на повышенном уровне одиннадцать часов. Во второй — интенсивное потребление кислорода сократилось, в третий — пало еще ниже и в один из дней вообще не появилось. Собака погрязла в большие порции мяса, которые тут же выпадали из отверстия на шее, желез желудка обильно извлекли свой сок, а газообмен не повышался.

Вывод был ясен: сокращение — функция врожденная. Скорее ли обманывать желудок минимым кормлением, его железы непременно будут откликаться. Иное дело газообмен: его интенсивность после еды — свойство приобретенное. Не будучи подкрепленным пищеварительной деятельностью или хотя бы ощуще-

нием полноты желудка, повышенный обмен угасает.

Исследование о границах врожденного и приобретенного провёл другой наш сотрудник в детском отделении родильного дома над детьми. Младенцы исследовались в стеклянной газообменной камере. С первого часа их появления на свет, с момента, когда они ещё ни разу не ели, дети оставались под бдительным оком исследователя. Все перемены в организме, связанные с кормлением, тщательно изучались в продолжение десяти дней.

Вот что при этом было установлено.

Новорожденному дали несколько граммов молока, примерно, столько, сколько он способен вылезть в один раз из груди матери. Тут первую его трапезу ему влили в рот. Пища была организмом усвоена, и тем не менее газообмен — потребление кислорода и выделение углекислоты — нисколько не изменилось. Тот же опыт, повторённый спустя шесть дней, когда ребёнок уже кормился грудью матери, обнаружил другую картину: несколько граммов молока, проглоченных из ложечки, сразу же ускорили обмен веществ.

Что за это время произошло? Каким образом организм, не способный никак повысить газообмен, реакцию эту приобрёл? Можно допустить, что кормление грудью стало для него сигналом повышения обмена, но что именно в этом акте крепко связалось с механизмом обмена вещество: поступление ли пищи в полость рта или само сосание.

На этот вопрос ответил другой младенец. Ему предложили вместо первой трапезы пустую соску. Десять минут длились бесплодные усилия ребёнка, ни одной капли молока не вылезло из его рожка, а газообмен между тем у него нарастал. Составные движения губ оказались для организма более реальным воздействием, чем подлинное кормление из ложечки. Ребёнок, не пробавивший ещё молока, словно был подготовлен к тому, чтобы воспринимать его строго определённым способом. Вне этих условий естественный обмен извращён. С годами сосание станет излиянием, и уже не движение губ, а жевание будет повышать газообмен.

Новый способ питания содвигает другую обстановку, которая будет нам доведана. Привычка к чистому столу, к определённой вышине и характеру еды делает невозможным её усвоение в условиях, противных сложившимся навыкам. Усвоенность того, что мы едим, не ограничивается одними лишь химическими качествами пищи. Существенную роль играют и запахи, и вкус, и степень привлека-

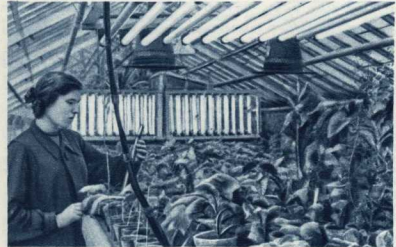
тельности её — всё разнообразие раздражителей, которое даёт ход сложной машине пищеварения.

Таковы наблюдения, сделанные в стеклянных камерах родильного дома.

Совершенно очевидно, что между актом еды, пищеварением и обменом нет строгих границ, и трудно сказать, где эти процессы смеются друг друга. Пища ещё только во рту, а в тканях и в клетках уже идёт действо. Она может не дойти до адреса, а её приотворено уже место. Если сосать с перерывами пищаевод кормит микроба, а в желудок вводит её углеводы, организм животного страдает. Нечто подобное врачи наблюдали после религиозных постов. В течение долгого времени у людей, соблюдающих пост, питание состояло из картофеля, рыбы и постного масла. Затем наступала перемена: появлялись свинина, сыр, сметана, что, казалось бы, особенного! Пищеварительная лаборатория одинаково способна растворять и усваивать то и другое. Между тем организм приходит в упадок: распространяется пищеварение, ослабляется деятельность печени, селезенки, сердца. Никким излещением объяснить это нельзя: виной всему сигнализация, идущая к тканям из полости рта. Шесть недель непрерывно она возмещала, что по пищеводу следуют картофель, рыба и хлеб. Между внутренним козырьком и той образовавшейся временной связью, при которой человек вызвал определённые перемены в организме. Окончился пост с его однообразным рационом, и вдруг пришли вещества, которых в организме не ждали. Все органы и их функции оказались залетными наблюдателями. Мы пришли к заключению, что нет единого образа в средствах возбуждения обмена.

У ребёнка этот процесс начинается сосанием, у взрослого человека — вкусовыми воздействиями, у грызунов, лишенных всякого вкуса, — чем-то другим. У кролика, не различающего сладкого от кислого, солёного от пресного, способного глотать бромную, морковную, высушенные венчики, обмен веществ возбуждается жеванием. Ему достаточно сглотнуть ਦੇсть граммов венчика, не проглотив почти ничего, чтобы обмен у него вырос и на повышенном уровне продолжался два — три часа. У человека, съев, съедая микроба. Если бы он, к примеру, стал бы глотать ружья, морковку или дерево, никаких перемен у него не наступило бы. Но если к резине или вате прибавить подслащённую, подкисленную, солёную или горькую воду, воздействовать на вкус, и в движение придёт metabolism обмена...

Таковы наши первые итоги...



Садовод А. Новикина проводит опыты по выращиванию цветов под искусственным светом.

ЦВЕТЫ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Научные работники Ботанического сада Академии наук СССР заняты сейчас очень интересной работой по освещению стаций метро, дворов культуры и музеев. В оранжевые кадры вселёсь ряд

экспериментальных работ по изучению влияния искусственного света различных спектров на растения, устанавливается оптимальный режим ухода за цветами.

Советские учёные, занятые мир-

ными проблемами, задумались над тем, чего нехватит нашим замечательным подземным дворам-метро.

И пришли к выводу, что стации метро необходимо озеленить. Такая потребность в зелени очень ошущима.

В оранжевые начаты эксперименты с выращиванием под искусственным светом камелий, лавров, роз и азалий. Самой важной проблемой является подобрать такие растения, которые бы могли расти и развиваться при искусственном свете.

Сложность решения этого вопроса состоит в том, что каждое растение в разных стадиях развития предъявляет определённые требования к свету, и поэтому освещение стаций метро и больших залов дворцов, где предполагается озеленение, придётся подбирать новыми источниками света в зависимости от цветов.

Следует также изучить и качество света, ибо различные растения реагируют на свет очень активно и по-разному. Интересны

опыты по дополнительному освещению растений светом различного спектра.

Цветы глоссиния «подкармливают» светом различных спектров, а другие получают дополнительное освещение грунтовой и неоновой лампами и т. д.

При люминесцентном освещении цветы быстро вытягиваются вверх, но на них ещё не вполне распустились бутоны. Выяснилось, что дополнительное освещение даёт возможность управлять развитием растений, заставляя их цвести в любое время года.

Эти опыты прошли вполне удовлетворительно и показали, что в метро и залах наших дворцов могут расти цветы в любое время года.

В оранжевые Ботанического сада ведутся сейчас уже практические работы по выращиванию цветов для метро. Недалеко то время, когда в подземных дворцах будут с мраморными колоннами рядом распускаться бутоны пышных астр и глоссиний.

Н. КОРОТЕВ

МОЛОТ

летит
за 50 метров

Спортсмен становится в круг, обнесённый металлической сеткой. На земле лежит латунное ядро весом в семь с лишним килограммов, от которого тянется стальная проволока с треугольной ручкой. Надяв брезентовую рукавицу, спортсмен берётся за ручку и начинает плавно вращать тяжёлый снаряд над головой. Следуют один за другим три поворота метателя, и ядро, со свистом рассекая воздух, летит вдаль. Это и есть метание молота, один из сложных видов лёгкой атлетики. Нужно достичь такой согласованности движений, чтобы быстрая вращения тела и молота находились в полном взаимодействии между собой.

Откуда же взялось такое название — метание молота, когда на самом деле метают ядро?

Говорят, когда-то шахтёры и кузнецы развлекались тем, что стремились как можно дальше бросить свои молоты. Постепенно вырабатывались правила, на деревянные ручки вместо обычных молотов стали насаживать ядра.

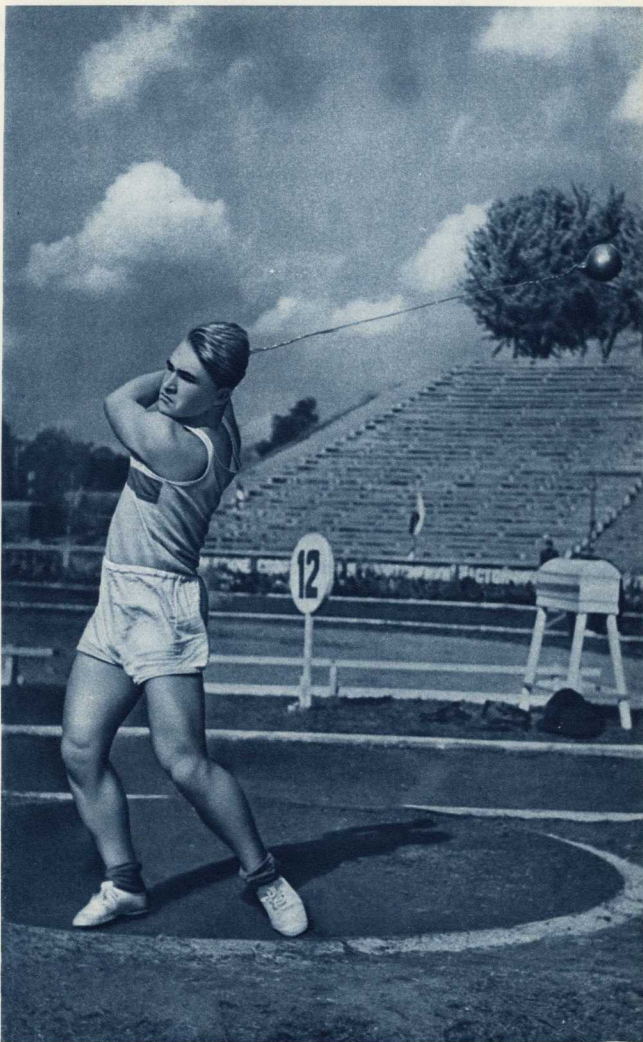
Теперь метание молота привлекает всё больше и больше молодёжи, желающей испытать свои силы в этом увлекательном соревновании.

Мировой рекорд в метании молота принадлежит венгерскому спортсмену Имре Немету. В прошлом году он бросил молот дальше всех — на 59 метров 88 сантиметров. Всесоюзный рекорд был установлен годом раньше мирового киевлянином Александром Канаки. Пущенный его рукою молот пролетел 58 метров 59 сантиметров. Этот рекорд родился в итоге упорной борьбы между ленинградцем Александром Шехтелем и Канаки. Почти каждое их выступление заканчивалось новым рекордом, пока Канаки окончательно не взял верх.

Обычно метатели молота — спортсмены большой силы и веса. Но, как говорится, нет правил без исключения. В списке десяти сильнейших легкоатлетов СССР 1950 года боксёр Станислав Ненашев занял девятое место. Ненашеву семнадцать лет, и в его возрасте встать в один ряд с лучшими метателями молота Советского Союза — несомненный успех, свидетельство его незаурядных данных.

Ненашев под руководством тренера Сафарова много и настойчиво тренируется. Можно быть уверенным, что Станислав Ненашев сумеет превзойти свой лучший результат, равный 53 метрам 8 сантиметрам.

Мастер спорта
Г. КОРОБКОВ



Каждый день ведёт тренировку юный метатель Станислав Ненашев.

Фото Н. Волкова

Спорт



Через несомненно минут начнутся соревнования. Участники скачек, конники колхозов Кутанского района, готовы к старту.

Фото автора

«КОЛМЕУРНЕ»

В двенадцати километрах от Кутанси начинаются сёла. Сначала тянутся утопающие в зелени фруктовых садов белеющие домики села Гегути, потом Патрикети и, наконец, Опшкити. Здесь, в этом селе, находится колхоз имени Ворошилова.

У ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОЛХОЗА

Собрание, посвящённое созданию нового спортивного общества «Колмеурне» («Колхозники»), началось довольно мирно. Инструктор физкультуры Л. Кенуалае, перечислив успехи, достигнутые во время спартакиады, сказал, что они могут добиться новых побед. Затем выступил председатель заводского совета физкультуры С. Тейсаде. Он говорил горячо и резко.

— Нам ещё рано хвастаться успехами... Только небольшая часть колхозной молодёжи занимается спортом. А должны заниматься все. В нашем коллективе мало спортивных секций. Нет плавцов, штангистов, очень слабы гимнасты. Надо намного увеличить число спортсменов-разрядников, значков ГТО...

Это выступление сразу изменило характер собрания. Оди за другим поднимались физкультурники и говорили о недостатках в работе коллектива.

Долго и бурно обсуждали свои нужды колхозные физкультурники. А вечером Тейсаде и Кенуалае пошли к председателю колхоза. У него они застали директора Опшкитинской средней школы, большого любителя физкультуры, старого спортсмена Кезеаде.

Внимательно выслушав пришедших, председатель колхоза Е. Капаназе сказал:

— Поможем. Колхоз наш богатый. Найдём деньги для строительства спортзала!

— И мы поможем, — присоединился к председателю директор школы. — Среди нашей интеллигенции есть опытные спортсмены.

ПОД ЮЖНЫМ СОЛНЦЕМ

Председатель колхоза выполнил своё обещание: зимой гимнасты,

тяжелотелы, волейболисты тренировались во вновь отстроенном спортивном зале.

Стержал своё слово и директор школы Кезеаде. Он не только сам тренировал молодёжь, но и привлек к этой работе своих друзей, знакомых. Это были гимнасты первого разряда ветеринарный врач Гиян Мехки, легаткет секретаря комитета комсомола средней школы М. Мамришавили, волейболист старшая пионервожатая З. Хапана.

Пришёл март. Весна в этом году началась необычайно рано. Но колхозные физкультурники её уже ждали. В один из воскресных дней на колхозном стадионе появилась большая группа молодёжи. С лошадями, мотоциклами, таксами, мётлами юноши и девушки разравнивали беговую дорожку, засыпали песком секторы для прыжков, привозили в порядок площадку для грузинской борьбы. А через несколько дней, когда солнце немного подсушило напоебную весенними соками землю, на баскетбольную площадку вышли баскетболисты во главе с общественным инструктором колхозником Ш. Маргулашвили. Вслед за ними на чёрном, ещё не покрышемся зелёным ковром поле стадиона появились футболисты, команда лело.

КУЗНЕЦ ПЁТР ДЗОДУЗАШВИЛИ

Неподалёку от правления колхоза, у каменного здания колхозной кузницы, возле наковальни, стоит юноша. Жарко, и он снял рубашку. Его потемневший от загара торс кажется отлитым из бронзы. Юноша стоит, опершись на тяжёлый молот. Из кузницы выносятся огненно-красную ость. Нелья не любоваться, види, как молотобоец, подхватив кувалду, размеренными и точными движениями бьёт по металлу.

К кузнице направляется высокий худощавый колхозник. Это председатель колхоза А. Хонелидзе. Подождя, пока унесёт чашавую тёмную ость, он приветствует молотобойца:

— Здравствуй, Петро!.. Сколько сегодня выработал?

— Как обычно.

«Как обычно» для комсомольца Дзодзуашвили означает 150—170 процентов плана.

— У тебя велосипед в порядке?

— Предупреди новичков... Ты будешь их тренировать.

ЛЕЛО

Солнце склоняется к западу, трудовой день закончен. Со всех сторон к опшкитскому стадиону идут и едут люди. На лошадах, на машинах, пешком. Сегодня лело!

Это самая любимая народная игра, «Лело» означает «преодоление». Груины говорят: «Лело» — Я преодолел все препятствия.

Колхозный стадион переполнен. Люди сидят на трибунах, на траве, в кузовах автомашин. Товарищеский матч между командами колхоза имени Ворошилова (село Опшкити) и колхоза имени 17-го партсъезда (село Патрикети) привлек на стадион «большедриков» обоим сёл. Среди зрителей возникают споры, подсчитывают шансы одной и другой команд.

Игроки на поле. В чёрных трусах и голубых майках — колхозники села Опшкити, в синих трусах и красных майках — команда Патрикети. Каждый коллектив состоит из 15 человек. Судья подбрасывает мяч, по форме похожий на дыню, и отбегает в сторону. Завязывается горячая схватка.

Мяч в руках у капитана опшкитцев Инанешвили. Он сильным броском посылает его рослому игроку. Тот стремительно бежит, прижав к груди мяч.

— Это Сандро Маргелашвили, — указывает на бегущего, говорит сидящий рядом с ним председатель колхоза Капаназе. — Он лучший виноградарь нашего колхоза, Герой Социалистического Труда...

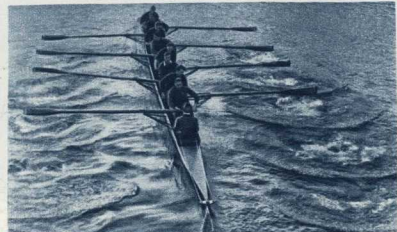
Зрители бурно переживают результаты матча. Они кричат, подбадривают своих любимцев, шумно аплодируют. Многие, встав, с места, подбегает к самым границам поля.

ЭТО ХОРОШО!

На заседании правления колхоза Тейсаде сообщил план весенне-летних тренировок и соревнований. Он говорил, что все коллективы колхозных физкультурников готовятся к районной межколхозной спартакиаде. Обсуждая сообщение Тейсаде, председатель Опшкитского сельского совета Инанешвили рассказал, как работает общество «Колмеурне» в других сёлах Кутанского района. Оказалось, что и в колхозе имени 17-го партсъезда, и в колхозах «Груд», «Заря», «Вперед», и во многих других колхозных сельских физкультурников в этом году значительно окрепли, выросли.

— Вот и хорошо! — Председатель колхоза оглядел присутствующих. Все физкультурники нашего района начали работать лучше. Значит, спартакиада в этом году будет куда интереснее, чем в прошлом году! — Он улыбнулся и повторил: — Это хорошо!

Н. ЛАРИН



На снимке: гробы общества «Красное знамя» на тренировке. Фото Ю. Шаламова

Скиф на Малой Невке

Восемь спортсменов бережно выносят из залитого посюжью на сигару лодку Славянского на одного члена правления общества «Красное знамя» Владимира Ибраимова, Юрий Токмалов, Роман Закаров, Юри Тогозов, Евгений Третьяков, Кирилл Пугарский, Евгений Морозов, Иван Макаров. Все они молодцы, хорошо владеют техникой грёбы.

Нынешней весной, еда Малая Невка очистилась от льда, восьмёрка «Красного знамени» начала готовиться на воде и сезону.

«ЯБЛОНЕВАЯ ВЕТКА»

(ПЬЕСА В. ДОБРОВОЛЬСКОГО И Я. СМОЛКА
В МОСКОВСКОМ ТЕАТРЕ ДРАМЫ)

Молодые драматурги Владимир Добровольский и Яков Смолка написали пьесу «Яблоневая ветка», в которой воплотились творческие поиски В. Добровольского «Трое в серых шинелях». Однако пьеса отличается от повести тем, что представляет собой самостоятельное драматическое произведение.

«Ябло» осенена променорами цветущая ветка яблони на фоне темнокоричневого бархатного занавеса. Яблоневая ветка Симона цветения жизни, молодости, свежести. Это как бы шагнул к спектаклю, образное раскрытие его идейного смысла.

В дни войны в городском парке упала бомба. Взрывающая волна исцарила яблоню, но не вырвала из земли крепких корней. И вот снова цветит яблоня.

Испоконная все пережитое, герой пьесы Виктор Черешня в мыслях невольно обращается к розовым лепесткам яблони и говорит:

— Вакко, чтобы корни крепкие были, а жизнь защищает, станет еще красивее.

Основные роли в пьесе играют молодые актеры театра. Для многих из них работа над «Яблоневой вет-

кой» — первая большая роль, первый успех.

Молодые драматурги, молодой режиссер, молодые актеры — все это придает спектаклю особое звучание.

Правда, не все еще удалось сделать постановщику (народный артист СССР Н. Охлопков), но в спектакле есть главное: сила и цель, стремительность нашей молодежи, ее жизнереальность, ее нетерпимость и любовь к отчужденности от норм советской морали. И потому с такой страстностью выступает Виктор Черешня против тех индустриальных черт в характере Бориса Ивнева, потому так остро спорит Нина с Володей, выступающая против его самоусовершенствования, полагает ему разобраться в своих ошибках.

Трогательным вниманием окружают студенты инвизора Отечественной войны одноклассника Че-мезова. Он дорой и близок им, несмотря на то, что никто из них не знал его раньше. С такой же страстью, как борются за жизнь Че-мезова, они помогают друг другу в учебе.

В центре пьесы и спектакля —



Сцена из 2-го действия. Новоселье. В центре — Майя Стрелцова (арт. В. Орлова).

образ парторга физико-математического факультета университета Виктора Черешни. Вчерашний фронтмен, вернувшись в родной университет, он становится новым молодым человеком. В исполнении молодого артиста Александра Холодова Виктор — волевой, целеустремленный, обаятельный человек. Виктор Черешня, — по сути, первая большая работа начинающего артиста, недавно окончившего студия театральную школу.

С особенной силой проявляется принципиальность и воля Виктора в столкновении с Борисом Ивневым, который проповедует борьбу за свой узко индивидуалистический личный мир.

Азартно и хвастливо Борис провозглашает:

— У меня есть свой, личный план... Этот план зависит не от распорядка денегата и не от решений производственных совещаний, а от меня самого.

Виктор спокойно парирует:

— Ты сам назвал свой план личным, и я теперь понимаю смысл этого названия.

И тогда Борис, уловившись, начинает говорить о своем намерении стать «человеком со званием и должностью». Черешня-Холодов сдержанно уточняет:

— Да, доцент, профессор — это

правильно. Это — звание, должность. Но при всем этом существует высшая должность — превзойти доминанту на земле — быть человеком!

Борис демократически записывает свою теорию.

С недоверием слушают студенты разглагольствования Ивнева. И вдруг, не сговариваясь, каждый из них гневно и резко бросает ему слова упрека.

Образ Бориса удался автору Малашенко. Хорошее впечатление оставляет игра заслуженной артистки РСФСР, лауреата Сталинской премии Т. Карповой в роли секретаря комсомольской организации факультета Нины Воронковой.

Много душевной теплоты вкладывает артист П. Терновский в сольный образ профессора Дерябина. В его исполнении это настоящий наставник юности и требовательный товарищ.

Спектилась хорошо оформлен лауреатом Сталинской премии художником Ю. Пунатовым. Заслуживает высокой оценки работа молодого режиссера Э. Зотовой, проявившей немало хорового мастерства в создании внутреннего мира героев пьесы — представителей нашей советской молодежи.

А. РОГОТЧЕНКО

Сцена из спектакля «Яблоневая ветка» в Московском театре драмы: Борис Ивнев (арт. В. Малашенко) и профессор Дерябин (арт. П. Терновский).

Фото Р. Диманта

Сенция советской литературы Научного студенческого общества Московского государственного университета имени Домошова организовала обсуждение пьесы Николая Соколова «Именем жизни».

С интересным докладом выступил аспирант Зенденко.

— Пьеса «Именем жизни», — сказала она, — это поэма о наступлении коммунизма. Вся образная система произведения, его интонация и ритмика связаны с поэзией Маяковского. Эта связь подчеркивается параллелизмами, цитатами, полемикой с ним, но в каждом случае автор творчески использует образы стихов поэта-трибуны.

Героиня пьесы «Именем жизни» — в коммунизме по труду, товарищу, который в неспешно не бросит, но горит действительно можно оторвать, ища, ища, ища, что оно не станет «гнать» им, как девочка

Герой пьесы Соколова богат; это ослепительный человек, хранивший своей жизни, преобразовывая природу:

Я вхожу в твою жизнь, во мечты, — ты грустна, ты плачешь, — и в тотчас же, тебе улыбаюсь, волнами, расписалось Московское море.

Ты хотела — и ты хотела, где ветра и морозы выжили ростки нашей северной яри,

«ИМЕНЕМ ЖИЗНИ»

СТУДЕНТЫ О ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ СОКОЛОВА

я с Канвака приносил виноградные лозы и с полноразной их сжигали.

Герою стихов Соколова свойственно чувство ответственности за судьбы человечества.

Мне уже с детства несправедливо, когда хорошо одному мне, а радом —

Мы верим в искренность чувств героя, мы понимаем, что у имени есть право говорить от лица советских людей.

У поэмы есть один крупный недостаток, срывающий ее значение. Он заключается в том, что автор порой падает в трагизм. Оправдать его может только сложный конфликт, через который автор проходит своего героя:

Скорей же... Ответь мне... Сердце знающего, что имени нет в сомкнутых интонациях спит дотла...

Этот трагизм противоречит характеру героя, создавая ложный конфликт, рожденный литератур-

ными уличениями, а не самой действительностью.

В самом начале в надуманную ситуацию, автор придает цельность характеру героя, делает его менее типичным. Остаются и такие строки:

Чтобы общими силами работа и радость, чтобы всем нам с любимыми в Завтра встать...

Впрочем, не осуждая ничего не маю, только о восторге тому быть осужденным.

Нет, не очевидным событиям должен быть советский человек! Тем более, что отдельные стороны характера советского человека могут отобразить по-настоящему. Но неправильно выбранный герой снижает ценность поэмы.

Первокурсница Л. Бараненкова не согласилась с докладчиком, но конфликт поэмы не закончен.

В произведениях советской литературы «Счастие», «Просто любовь», «Повесть о настоящем человеке» и др. — это понятие флинт органически входит в повесть

воляне и разрешается так же, как и у Соколова — с помощью друзей. Аспирант Л. Шандель по просьбе присутствующих сообщает некоторые сведения о Соколове, отметив автобиографичность поэмы молодого поэта-настроения.

Законспирирован конфликт подкрепления тем, — говорит Л. Шандель, — что болезнь героя ощущается как болезнь, которую не вылечить. Но, — нам правильно замечает тов. Шандель, — к этому верному выводу не следует прибавлять неутешных соображений героя. Можно вообще забыть, как ты живешь? Да, можно, но при этом необходима авторская оценка. А у Соколова получается, что автор имеет право на малодушие. Автор имеет право на индивидуальное, но не случайное.

В своем выступлении студентка 5-го курса С. Иванова подчеркивает, что поэма Соколова вносит в советскую поэзию новое слово, но не так, как очень близкого и радостного будущего.

Хочу я, чтоб люди вошли в коммунизм, одурманенные духом и телом.

Обсуждение поэмы у Соколова прошло очень оживленно и интересно. Поэма признается всеобщим признанием своей истинности, умение автора видеть жизнь, открытым сердцем воспринимать ее, умение молодого человека читать жизнь у Соколова новых успехов.

З. МОДКОВСКИЙ, студент МГУ

ЗАМЕТКИ МИКРОБИОЛОГА

О вкусах не спорят

Парходов плавят по Москве-реке. За кормом выдвигаются бурные волны — едва различимый след нефти, который точнейшей пленкой растекается по поверхности воды. Нефть попадает в водоемы там, где со сточными водами кренг-заводов, с нефтеба. А между тем даже ничтожное количество нефти в реке вызывает массовое отравление рыбы. Загрязнение водоемов нефтью всё настолько же, если бы.

Микробиологи А. А. Воронкова и Е. В. Динаева, работающие в Институте Микробиологии, установили, что «нефтяная пленка на поверхности воды становится барьером, который разламывается под ней в огромных количествах». В одном кубическом сантиметре поверхностного слоя вод при отсутствии нефти, пленки на поверхности воды 530 тысяч бактерий, в том же количестве воды, но под пленкой их уже вдвое больше.

Среди великого множества различных видов микроорганизмов, населяющих самые разнообразные среды, самыми известными бактериями, для которых характерны такие свойствами и питательным продуктом, как, скажем, для нас с вами — это бактерии, которые странный язык! Но это обстоятельство имеет глубокий биологический смысл. Приспособившись в борьбе за существование к таким исключительным условиям питания, эти бактерии тем самым находятся в исключительно благоприятных условиях их жизни по сравнению с другими микробами; таким образом они оказываются вне конкуренции.

Учёные, технологи работают над очень интересной и важной проблемой: как использовать замечательных микробов для очистки сточных вод.

Чистопородные бактерии

Истории известно производство уксуса, этого «напитка мудрости», как это называли наши предки, из спирта или вина. Правда, ещё столетия назад и не предполагали, что это превращение осуществляется с мельчайшими живыми существами — уксуснокислыми бактериями. Но на уксусных заводах в акторы, помимо уксусообразователей, нередко проникают и другие микробы — вредители этого «деликатного» производства. Они нарушают нормальный режим уксуснокислого брожения, губят ценный продукт.

В процессе продолжения этих неприятностей заводским делом вводится производство в закрытых сосудах, в которые должны вноситься «благородные» уксусообразователи. Там не должно быть ни одного постороннего микроба.

Под руководством лауреата Сталинской премии профессора В. В. Шапошникова в Кавказ был пущен уксусный завод, который работал исключительно на чистых культурах уксуснокислых бактерий. Великое учение Мичурина открыло советских учёных микробиологов, работающих в области промышленности и сельского хозяйства, выводить и создавать новые «породы» полезных микроорганизмов. В 1950 году были пущены

уксусные заводы, на которых применяются исключительно чистопородные, весьма деятельные уксуснокислые бактерии. Такие заводы отличаются высокой производительностью и вполне высоким качеством изготовленной ими продукции.

«На бобовом положении»

Многие виды насекомых питаются древесной. Древесина, или клетчатка, как известно, содержит в себе углеводы. Но, кроме углеводов, любому животному существуют необходимые для построения белков азот. Даже в наш век великих превращений невозможно на одних углеводах приготовить белки. Откуда же насекомые получают азот? Этот вопрос заинтересовал пытливых исследователей.

Бельские колхозники знают, что для бобовых культур не нужны азотные удобрения. На кормовых полях бобовых культур образуются азотфиксирующие, которые являются бактериями, обладающими способностью усваивать азот из воздуха и превращать его в азотные вещества. Этих бактерий и подкармливают растения.

Некоторые жуки, тли и другие насекомые тоже оказались «на бобовом положении». В поверхностных слоях их тела расселились бактерии, способные усваивать азот из воздуха. Таким образом, получают замечательное содружество бактерии предоставляют насекомому, в котором они живут, необходимую ему азотную пищу, а взамен этого получают от насекомого избыток углеводов, имеющихся в клетках хозяина.

М. Гольдин.

кандидат биологических наук



СМЕНА
3 номере:

Г. Владимиров — Мария Каданцева, воспитательница детского дома.
П. Тамилан — Друг советских молодых.
Георгий Бухаров — Первый выстрел.
Юрий Лазанский — Отец А. Морозов — Человек алой чести.
И. Попов — Н. Аверкая — Горючие дни.
В. Раздольский — У нас на аттестационном факультете Игорь Вахров — Смерть.
В. Мясников — Жулики Г. Гарины, В. Моисеевич — Лесной.
В. Николаев — Настя Фестиваль.
И. Мачерет — Высотини. Христо Ботев — Хаджи Димитр.
М. Шапошников — Творчество молодых.
Ник. Павлов — Спальная Цинь Фан.
Алекс. К. М. Быков — Механизм титаника.
Н. Коротева — Цветы под землей.
Н. Ларин — «Коммунизм» А. Ротченко — «Блаженный».
З. Нодковский — «Менем женщины».
М. Гольдин — Заметки микробиолога.
Кроссворд.

КРОССВОРД

Составил Л. Бобров (г. Молотов).

По горизонтали:

3. Летный прыгун Волги. 6. Южное растение с конусовидными корнями. 8. Торжественная фольклорная пляска. 9. Символическая металлургическая промышленность. 10. Город на Урале. 12. Народная артистка СССР. 13. Советский муромец. 14. Добойный открытый вагон. 15. Распоряжение. 18. Персональная опера Ляско. 23. Летопис. 26. Крокодиновый сосуд. 27. Любовь к родине. 28. Один из способов коренного улучшения сельского хозяйства. 30. Производство А. С. Пушкина (из цикла «Повести Велюны»). 31. Художественная обработка металла. 33. Записи личного характера. 38. Метеорологические условия. 39. Помещение для агитации. 40. Подвесная осветительная арматура. 43. Тупина народов. 44. Человек, предавший и измывавший. 45. Советский писатель. 46. Гавица. 47. Синоним тер для сохи. 48. Город в РСФСР.

По вертикали:

1. Великий биолог XIX века. 2. Народный артист СССР. 3. Сверхтвердый сплав. 4. Искусный гимнаст. 5. Первая советская рабочая. 6. Жук из семейства долгоносиков. 7. Повесть Пановой. 8. Герой произведения М. Горького. 11. Столица народной республики. 12. Единственная жизнь общества. 17. Единица учета труда колхозников. 19. Музыкальный термин. 20. Артистка. 21. Город на Камке. 22. Народная цепь в Европе. 24. Фотографическая пластинка. 25. Птица. 26. Профессия. 31. Деталь швейной машины. 32. Объединение предприятий. 34. Основное звено высшего шпотажа. 35. Советский химик-технолог. 36. Застывший морской ядоситок. 37. Машина для земляных работ. 41. Отчество. 42. Диптическое стено.

Ответственный редактор — А. Баранов.

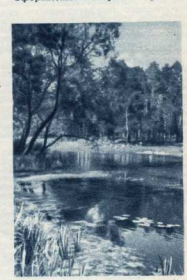
Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-33-4-24. А — 04314. Подписано к печати 18/V 1951 г. Заказ № 1221. Тираж 120 000. Изд. № 227.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Редакторы: В. Ажеев, Г. Гуля, Е. Домпатовский, Н. Жуков, А. Космодемьянский, Г. Кулик, М. Луконин, Н. Смородина.

На первой странице обложки. Фрагмент картины Г. Нисского «Под парусами». В четвертой странице обложки. Серебряный бор. Фото А. Воинина.

Оформление номера В. Урина.

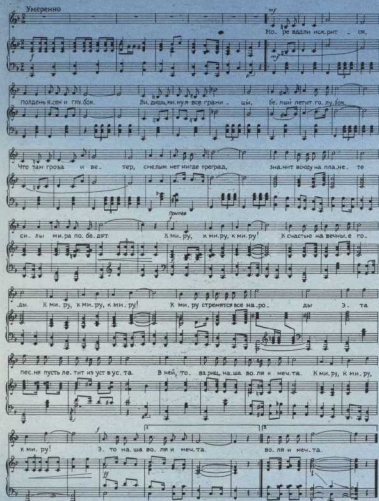


Гимн мира итальянской молодёжи

Музыка Лино МОЛИНЕЛЛИ

братотка Г. ЛОБАЧЕВА

Русский текст Мих. МАТУСОВСКОГО



Море вдали искрится,
Полдень ясен и глубок.
Видишь, минуя все границы,
Белый летит голубок.
Что там гроза и ветер!
Смелым нет нигде преград.
Считай, всюду на планете
Силы мира победят!

Верности мы клянемся,
Люди мира и труда.
Если мы за руки возьмёмся,
Нас не разбить никогда.
Грозно пылают зарницы
В небе сумрачной порой.
Держит путь через границы
Голубь мира над землей.

Припев:

К миру, к миру, к миру!
К счастью на вечные годы.
К миру, к миру, к миру!
К миру стремятся все народы.
Эта песня пусть летит из уст
 в уста,
В ней, товарищи, наша воля
 и мечта.
К миру, к миру, к миру!
Это наша воля и мечта.

Прилеп;

К миру, к миру, к миру!
К счастью на вечные годы.
К миру, к миру, к миру!
К миру стремятся все народы.
Эта песня пусть летит из уст
в уста,
В ней, товарищи, наша воля
и мечта.
К миру, к миру, к миру!
Это наша воля и мечта.



